

КВАРТИРА НОМЕР

24

ИВАН МИРОНОВ

Иван Миронов
Квартира номер 24

«Автор»

2023

Миронов И.

Квартира номер 24 / И. Миронов — «Автор», 2023

Денис, обыкновенный московский курьер, получает весьма прозаичную работу. Он должен разносить письма. Но покажется ли работа такой уж обычной, если оказалось, что эти письма несут горе и смерть? Если вдруг обнаружилось, что всё его существо подчинено воле таинственного отправителя? Если выяснилось, что он всего лишь пешка в руках сил, неподвластных разуму? Сможет ли Денис отказаться от этой работы? И какова будет цена отказа? Ответы на эти вопросы здесь, за дверью квартиры номер 24.

© Миронов И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	21
5	28
6	32
7	38
8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Иван Миронов

Квартира номер 24

1

Денис стоял перед квартирой номер двадцать четыре и не решался нажать на звонок.

Облупившаяся деревянная дверь, изогнутая алюминиевая табличка с номером, оплавленная кнопка дверного звонка, резиновый коврик: всё, казалось, покрывал толстый слой пыли. Ни единого следа, кроме своих собственных, Денис не заметил. Ему пришла в голову мысль, что здесь не хватает прибитых крест-накрест досок, надписи «Господь, помоги нам» и начерченного мелом креста, каким помечали дома с умирающими чумными жильцами, как в «Интервью с вампиром».

В волнении он провёл правой рукой по невымытым волосам, превращая и без того неопрятную причёску в полный хаос. Затем вновь обвёл глазами бетонный пол, окрашенные в серый цвет стены, чёрный коврик и грязно-коричневую дверь. Нет, всё выглядело достаточно заурядно. Пыльно, но не более того. Никакой мистики.

«Слишком много голливудского хлама в голове», – решил он.

Денис достал из заднего кармана джинсов потрёпанный, с протёртыми до белого пластика кнопками, телефон. На экране высветилось время – 0.16. Он как раз успел ко времени, которое ему обозначил странный тип, предложивший подработку. Но желание подзаработать постепенно уступило место более простому инстинкту.

Денис хотел уйти из этого подъезда, от деревянной двери с табличкой «24».

Телефонный звонок раздался за полчаса до полуночи, когда Денис возвращался домой после успешно проведённой операции, которой он дал довольно романтическое название – «Огненный шквал». Что-то такое, напоминающее «Апокалипсис сегодня».

Первые три раза операция проходила по пятницам – эдакое завершение трудовой недели, но сегодня, в понедельник, он решил, что на четвёртый раз можно поменять им же установленные правила. Сделать себе небольшой внеурочный подарок. И подарок оказался весьма удачным.

Денис шёл, неспешно перебирая в голове детали операции. Справа от него промелькнул подсвеченная холодно-голубым светом вестибюль станции метро «Юго-Западная». Это означало, что до дома оставалось каких-нибудь минут десять. Как всегда, после операции настроение было на высоте: приятно обдувал тёплый лёгкий ветерок, звук проезжающих машин ласкал слух – всё доставляло сейчас удовольствие. Дополняло сегодняшний вечер, как глазурь дополняет кремовый торт. Чувства необычайно обострились. Так он себя чувствовал после редкого секса: умиротворение, блаженство, возведённые в степень.

Звонок разрушил эту идиллию.

Номер не определился.

«Играем в шпионов?»

Денис улыбнулся и проговорил в трубку заговорщицким тоном:

– Юстас Алексу!

– Простите?

Низкий мужской голос моментально убил игривое настроение Дениса.

– Я...а...хм, я слушаю.

– Насколько я понимаю, молодой человек, ваше имя – Денис? – произнёс безжизненный голос.

«Чёрт, он словно станции метро объявляет. Тут уже не игра в Штирлица, а кое-что покруче – живые мертвяки». Денис представил себе мертвеца, судорожно передвигающего ногами и скалящего в пустоту не прикрытые губами зубы. Шутливая ассоциация, как ни странно, не только не вызвала у него улыбку, но и прошлась морозом по коже.

– Да.

– Простите, что беспокою вас в столь поздний час, но звонить меня вынуждает крайняя срочность, – отчётливо и неторопливо продекламировал голос. – Вы, судя по объявлению в Интернете, оказываете курьерские услуги.

Это прозвучало не как вопрос, а скорее как утверждение.

– Всё верно.

Дениса беседа заинтриговала. По крайней мере, это могло привести некоторое разнообразие в его скучное существование. Мимолётное чувство волнения прошло.

– Я хочу предложить вам работу. Детали мы сможем обсудить при личной встрече. Смее повториться, что мной движет неотложность вопроса, поэтому нам необходимо встретиться...

– Секундная пауза, – через час.

– Эй-эй-эй! Гражданин, не гоните лошадей. Я вам не мальчик на побегушках. – Поняв, что данный аргумент при его способе заработка не очень убедителен, Денис быстро продолжил. – Я хочу сказать, что мы сможем обсудить всё это завтра вечером, если у вас будет желание, но на данный момент у меня есть более приоритетные задачи. – Он не заметил, как стал говорить с голосом в похоме ключе. – И самая первостепенная из них – деловая встреча с моим давним партнёром – Морфеем. Посему прошу меня извинить.

Собеседник Дениса продолжил, словно его и не прерывали:

– Забыл сказать вам об оплате. К стоимости, которую вы обозначили, мы можем приписать ещё один ноль, и таким образом, проведя несложные математические вычисления, мы получаем оплату, увеличенную в десять раз.

А вот это Денису понравилось гораздо больше.

– Денис, поверьте – это не розыгрыш. Я готов выплатить вам столько же после нашего разговора независимо от его результата. Если мы договоримся (а я в этом уверен), то эти деньги будут считаться вашими подъёмными. В противном случае это будет считаться небольшой компенсацией за беспокойство. Как видите, в любом случае ваши интересы защищены.

Невидимый собеседник резюмировал:

– Итак, жду вас по адресу: Остоженка, дом шесть «а», квартира двадцать четыре, полпервого. Код подъезда – пятьдесят один. До встречи.

В трубке раздались гудки.

Сохранив информацию в телефоне, Денис задумался. С одной стороны, очень уж отдавало гнильцой такое щедрое предложение. Но с другой стороны, было безумно интересно узнать, что за всем этим кроется, хоть ехать ночью к человеку, произносящему слова, как автоответчик, было определено рискованно.

В один момент Денис решил отказаться от этой затеи и позвонить незнакомцу, чтобы сообщить об этом. Уже потянувшись к телефону, он вспомнил, что номер не определился.

– Тогда дождусь его звонка, – задумчиво пробормотал он.

«Сходи, – раздался внутренний голос. – Ты же ничего не теряешь. Не понравится работа – возмёшь деньги и свалишь. Понравится – возмёшь деньги и заработаешь ещё».

Голос не походил ни на его собственный, ни на воображаемые голоса, которые частенько давали ему советы. Но этот неизвестный воображаемый советчик имел неопровержимую логику – в любом случае Денис получал свои деньги. Оставалась, конечно, вероятность розыгрыша, что было бы не особо хорошим развитием событий, и вероятность того, что человек, предложивший ему работу, – убийца, маньяк или ещё какой извращенец, что было бы совсем плохо.

«Нет, – подумал Денис, теперь уже узнавая свой голос. – Скорее, этот делец хочет мне предложить не совсем легальную халтурку».

Денис не заметил, как развернулся и двинулся ко входу на станцию метро.

Двадцать минут по «красной» ветке, и он окажется на «Кропоткинской». Ещё минут пять, и он у дома шесть «а». То есть он окажется там раньше на полчаса. Если разговор не затянется, то у него были все шансы успеть до закрытия метро сесть на поезд в обратном направлении.

Денис вошёл в ярко-освещённый вестибюль.

– Да чёрт с ним, все равно сегодня не уснуть, – проговорил он и, поняв, что произнёс это вслух и достаточно громко, огляделся. Никто не обращал на него внимание.

Он стоял, прикрыв глаза, в углу плавно покачивающегося вагона и вновь думал о том, стоило ли ехать к странному человеку, который, скорее всего, предложит не менее странную работу.

В свои двадцать пять Денис походил на студента – второкурсника: чёрная потрёпанная футболка на худом теле, потёртые голубые джинсы и давно не мытые кеды выдавали в нём человека, который не только не обращает внимания на свой внешний вид, но и вообще редко видит своё отражение в зеркале. За спиной висел синий рюкзак, который, впрочем, очень удачно скрывал свой истинный цвет.

Четыре года назад Денис закончил своё обучение в институте, вылетев с третьего курса. Завалив сессию, он несколько не огорчился. Родители равнодушно отчитывали его, а Денис, двадцатилетний парень, тем временем радовался, что теперь ничто не мешало ему уйти из родительского дома. Он больше не желал видеть эти тихо ненавидящие его лица. Через пару недель после отчисления он собрал самые необходимые вещи, поместившиеся в этом самом рюкзаке, взял свои сбережения, вышел из квартиры, поехал на вокзал и купил билет до Москвы. С тех пор он не видел своих родителей, и его это вполне устраивало. Судя по всему, его никто не искал, что тоже радовало. Он снял однокомнатную квартирку на «Юго-Западной» со скрипящими полами, ободранными обоями и старой трухлявой мебелью. И это тоже ему подходило.

Все эти четыре года Денис бесцельно перемещался с одной скучной работы на другую. Продавец, грузчик, менеджер по продажам, курьер – денег с трудом хватало на жизнь. Большую часть бюджета «съедала» квартира. Но Денис не жаловался. Во-первых, его всё устраивало. Во-вторых, жаловаться было некому. Единственный его друг (и скорее, даже не друг, а приятель) Андрюха, живший за пару домов от Дениса, явно не был любителем выслушивать монологи о чужих проблемах.

Дни проходили, не сильно отличаясь друг от друга, – просто череда квадратиков на календаре. Зачеркнул все числа на этом листе? Сорви и заполняй следующий.

И тут на чёрно-белом экране его жизни появилась цветная рябь. Вполне возможно, ничего интересного, просто разряд статического электричества, но проверить всё же следовало.

Двери раскрылись, Денис вышел на станцию «Кропоткинская» и замер. За спиной двери вагона захлопнулись, оборвав голос, объявляющий следующую станцию, на полуслове. Состав тронулся, грохот железных колёс стал нарастать вместе со скоростью, а потом быстро сошёл на нет, когда поезд исчез в тоннеле. Денис не обращал на это внимания. Всё его внимание было приковано к самой станции.

Работая курьером, он часто бывал на этой станции. Успел запомнить шахматную доску коричневых и серых плиток на полу, огромное количество колонн и ярко освещённый белый потолок. В отличие от других станций «красной» ветки, эта отличалась лёгкостью. Здесь не

было намеси архитектурных изысков, превращавших её в вычурный склеп, низких сводов, навевающих мысли о бункерах советских времён, и мрачных цветов, давящих своей безысходностью.

Сейчас этой лёгкости не ощущалось. Здесь стало меньше света. Цвета потеряли своё наполнение, поблекли. Станция приобрела мрачность средневекового замка.

Никто не обращал на это никакого внимания.

«Да ну, бред. Всё так и было. Станция, как станция. Может, раньше лампы были мощнее?» – подумал он.

Выйдя на улицу, он был ошарашен ещё больше – Храма Христа Спасителя не оказалось на своём обычном месте. Денис почувствовал, как сердце гулко ухнуло в груди и остановилось.

«Этого не может быть. Это...»

Он почувствовал удар в плечо. Из-за спины появилась крупная женщина с каменным лицом. Она не обратила внимания на парня, которого только что толкнула, а просто изменила траекторию и обошла его, шагая по-солдатски чётко и уверенно.

Денис снова посмотрел на другую сторону площади Пречистенские ворота и выдохнул. Сердце застучало в бешеном ритме, как будто навёрстывая пропущенные удары. Храм стоял там, где ему положено, но иллюминация полностью отсутствовала. Без ночного освещения, которое превращало Храм и территорию вокруг в остров света и блеска, огромное здание казалось чёрной дырой.

Денис медленно шагал по чётной стороне Остоженки, считая дома. Часы на мобильном телефоне показывали 0.07.

– Второй... четвёртый... шестой... – бормотал он себе под нос, выискивая глазами синие таблички с номерами на зданиях.

– Эй, постойте, постойте, – остановился Денис.

На квадратной табличке жёлтого пятиэтажного дома с застеклёнными арками на первом этаже стояла цифра «8».

– А где шестой «а»? Чёрт бы побрал этих московских архитекторов: в двух домах заблудиться немудрено.

Денис развернулся и прошёл пять метров в обратном направлении.

«Наверное, дом в глубине, во дворах», – подумал он, но тут же осёкся. Табличка находилась в дальнем от Дениса углу здания, но написанное можно было легко разобрать: шестёрка, и под ней – маленькая буква «а».

Дом номер шесть «а» оказался облезлым жёлтым строением, построенным, казалось, еще до рождества Христова. Куцые балкончики и грязные деревянные окна никак не сочетались с отреставрированными и ухоженными зданиями-соседями.

Денис обошёл дом и очутился в маленьком дворе, к которому, впрочем, этот термин совершенно не подходил. За неопределённого цвета забором виднелись маленькие высохшие деревца. Их окружала столь же безжизненная серая трава. Ветер гонял по асфальтовой дорожке разный хлам: обёртки, листовки, куски газет.

– Двадцать четвёртая квартира, – вслух размышлял Денис. – Четырёхэтажное здание. Два подъезда. Скорее всего, по три квартиры на площадке. Три на четыре равно двенадцать. Стало быть, двенадцать квартир в подъезде. И получается, что моя квартирка – самая последняя, на последнем этаже второго подъезда.

Довольный своим расчётом, Денис направился ко второму подъезду, чтобы проверить свою догадку.

Впрочем, логика подвела. Денис ввёл код, с трудом открыл железную дверь и поднялся на первый этаж. Слабая лампочка, спрятанная в пыльном круглом плафоне, еле рассеивала темноту, окутавшую площадку. Квартир на этаже оказалось всего две: семнадцатая и восем-

надцатая. Денис провёл рукой по волосам, делая в голове новый расчёт. Получалось, в первом подъезде шестнадцать квартир, по четыре на этаж. А во втором – восемь, по две на этаж.

– Маразм какой-то, – пробормотал он и двинулся вверх по лестнице, к квартире, где его ожидал загадочный работодатель.

2

Лана свернула на Остоженку в полвторого ночи. В голову будто напихали бутылочных осколков и время от времени встряхивали её. Ноги гудели, словно она прошла не два-три километра, а все десять. И ужасно хотелось курить.

«Ну почему со мной происходит эта ерунда? Почему я всё время вляпываюсь в дерьмо? Вернулась бы, взяла свои деньги у Ленки, поехала бы домой, купила пачку сигарет и бутылку вина. Взяла бы книжку и сидела бы, читала. Нет же, шарахаюсь ночью в одиночку по городу».

Как только она начинала думать о том, что до дома нужно идти ещё не меньше двух часов, желание курить превращалась в невыносимую пытку, заставляющую Лану сжимать челюсть до скрипа в зубах. Она достала разряженный телефон и нажала на кнопку включения. Не надеялась, что вдруг произойдёт чудо, и тот заработает, но всё же попробовала.

«Чёртов кирпич! Почему ты сдох именно сейчас?»

Лане хотелось рвать и метать. Сейчас её всё раздражало. Она ненавидела весь мир за то, что она здесь, на Остоженке, так далеко от дома, без денег, без сигарет и без возможности позвонить. Ненавидела Ленку с её проблемами, ненавидела Ленкиного Серёжу с его тупыми друзьями, которые смотрели не неё, как дворняги на суку во время течки.

Несмотря на отвратительное настроение, Лана ещё раз порадовалась, что ушла с этой пьянки.

Началось всё днём, часа в три.

Ленка, с которой Лана (собственно, последнюю звали Светланой, но представлялась она только второй частью, так как имя целиком она терпеть не могла) снимала квартиру, заявила:

– Мой Серёженька сегодня звал к себе. У него день рождения. Сказал, будет пара его друзей.

Лана, мысленно посмеявшись над тем, как Лена называет двухметровую с квадратными плечами махину – своего парня, сказала:

– Рада за тебя.

– Нет, ты не понимаешь. Мне там не хочется одной слушать их разговоры о том, сколько они выпили и как набедокурили.

– Ну, тогда не ходи.

– Ланка, ты задница.

Лана улыбнулась, хотя этого делать и не хотелось. Голова начинала побаливать, и мысль о том, что придётся куда-то идти, совершенно не радовала.

– Ну вот, ты мечешься: ходить – не ходить, а я – задница. Несправедливо.

Лена рассмеялась.

– Несправедливо, зато правда. В общем, в восемь выходим.

«Ладно, схожу. Надо немного развеяться перед учёбой», – подумала она.

Их дружба была довольно странным явлением. Девушки познакомились четыре года назад, на первом курсе. Они учились в одной группе, где с чьей-то лёгкой руки их назвали «Ланка и Ленка».

Ленка являла собой «хроническую блондинку», как её про себя называла Лана. Касалось ли это её высказываний и действий, цвета волос или смазливой внешности – всё умещалось в рамки, отведённые белокурым созданиям международным фольклором. Лана даже вывела формулу своей подруги: общительна до трепачества, улыбчива до зубов и мила до ярко-выраженного идиотизма. Естественно, этой формулой она не делилась ни с подружкой-блондинкой, ни с кем-либо ещё. Большую часть своих выводов она предпочитала оставлять невысказанными.

Каждому Иню положен свой Янь. И Лана играла эту роль на «отлично». Она была мило-видной брюнеткой с большими карими глазами и мальчишески-озорным взглядом. Короткая причёска придавала ей образ оторвы, коей, собственно, она и являлась. Знакомые парни называли её «своим парнем», и это ни капельки не смущало Лану. Время от времени, глядя, как подруга крутится перед зеркалом, собираясь на свидание с «Серёженькой», или устраивает слёзные концерты на тему узколобости парней, Лана мысленно констатировала, что звание «своего парня» не так уж и плохо. Некоторые злопыхательницы за спиной называли её лесбиянкой, но никогда не делали этого в лицо. Они её побаивались, и это вполне устраивало Лану. Всё это напоминало тьяканье дворян, боящихся подбежать ближе и укусить, и вызывало только улыбку.

Учёба Лане давалась достаточно легко: каким-то чудесным образом, изредка открывая учебник, девушка выхватывала самую суть, и раз вложенная в голову информация моментально оседала там. Когда она училась в школе, мама временами удивлялась этому таланту: «У тебя память не девичья, а профессорская». Экзамены не имели для неё того сакрального значения, которое им придавали её одноклассники. Она приходила, извлекала из головы необходимую информацию, передавала её преподавателю и уходила. Никаких проблем. У белокурой подруги же всё обстояло с точностью до наоборот – каждая сессия становилась серьёзным испытанием, убивающим не только время, но и миллионы нервных клеток.

Базисом этой странной дружбы и её же единственным оправданием было умение Ланы вслушивать свою подругу. Бросил ли парень, порвались ли чулки, получила ли «незачёт» – Лена жаловалась Лане.

Лана же, будучи универсальной «жилеткой», ничего существенного не получала от этого союза. Ей просто нужен был кто-то рядом. С детства она слушала свою маму, которая постоянно плакала из-за того уродца, которого в анкетах в графе «Отец» Лана обозначала прочерком. В школе она слушала свою одноклассницу Катю, толстую дурнушку в очках с толстой коричневой оправой и невероятно толстыми линзами. Толщина и безысходность – два слова, которые чётко определяли всю суть Кати. Но всем были безразличны проблемы толстухи. Всем, кроме «жилетки» Ланы, равнодушной к своему положению в классе. И вот теперь появилась блондинка Леночка, которая по причине своей юродивой бестолковости стала самым жизнерадостным собеседником Ланы.

Вечер у Серёженьки предсказуемо скатился к банальному «разводу». Какое-то тщедушное существо, видимо, воображавшее себя Аленом Делоном в лучшие годы, брызгало слюной и всячески пыталось подобраться к Лане поближе. И чем больше водки он поглощал, тем маслянистей становился взгляд, обращённый на неё. Он постоянно что-то томно шептал на ухо Лане, в то время как её терпение плавно сходило на нет.

Последней каплей явилось предложение уединиться. Как будто она давала повод. Лана наклонилась к этому студенту-неудачнику и хрипловато-эротичным голосом спросила:

– Как тебя зовут?

Парень, мигом покрасневший, тихо сообщил:

– Юрик.

Лана медленно приблизилась к нему, едва не касаясь губами пушка на мочке уха. Этот червяк вызывал у неё стойкий рвотный рефлекс, но она всё же не прекратила игру. Его нужно было поставить на место раз и навсегда. Когда она почувствовала, как студент задрожал от возбуждения в ожидании её ответа, она гаркнула резко и чётко:

– Иди в жопу, Юрик!

Все встrepенулись и повернули головы в направлении возгласа: Серёженька со вторым своим дружкой с рюмками в руках, Лена с зубочисткой в зубах. Немая сцена, ни дать ни взять. Юрик не мог вымолвить ни слова. Он покрылся пятнами и явно желал провалиться в тарта-

рары. Он даже как будто стал ещё более худым и тщедушным. Нижняя губа по-медвежьи обиженно выкатилась вниз.

Лана со спокойным выражением на слегка бледном лице встала и неторопливо пошла в прихожую. Тут же подбежала подружка. На лице блондинки застыла улыбка, которая вкупе с изумлением в глазах смотрелась невероятно мило, но при этом вызывала у Ланы раздражение своей картонностью.

– Ланка, ну ты чего? Что случилось? Да ладно тебе, давай ещё часик посидим и вместе на «таксишке» доберёмся. Ну, давай?

Лана молча надела кроссовки, накинула свою ветровку.

– Нет, Лен, я пойду. Если хочешь, присоединяйся.

Улыбка на лице Лены сменилась упрямо натянутой тонкой нитью губ.

– Да ну! Чего так рано домой переться? Пошли бы сейчас в парк все вместе, прогулялись-проветрились. Лето же уже заканчивается. – И тихо прибавила, вновь улыбнувшись. – А круто ты его отшила.

– Я знаю. Ну, пока.

– Будь осторожней.

– И ты.

Спустившись на один лестничный пролёт, Лана достала из кармана мятую пачку «Кент», вынула сигарету и закурила. Первая затяжка неприятно обожгла горло. Вторая показалась чуть мягче.

Несмотря на внешнее спокойствие, внутри у неё всё бурлило. Изначально дерьмовый день совершенно скатился под гору. Складывалось ощущение, что кто-то решил годовой запас несчастий и проблем вывалить на её голову в один день. Да так, чтобы каждая следующая проблема была гораздо хуже предыдущей.

«Надо же было быть такой душой и припереться сюда. Мне же уже не пятнадцать лет. Этот придурок всё настроение испортил».

Вспомнив выражение лица Юрика, Лана всё же невольно рассмеялась. Этот «ловелас» после меткой фразы Ланы стал пятнистым, как ягуар, в мгновение ока.

«Нет, ягуар слишком благородно для него. Скорее, жираф».

Лана не удержалась и рассмеялась в полный голос. Образ жирафа с вытянутой физиономией Юрика не мог не насмешить.

«Теперь, дружок, твои друзья будут тебя целый год подкалывать. Смирись!»

Затянувшись горьким дымом, она подумала, что, наверное, её великолепная импровизация была чрезмерна. Этот несчастный «ботан», и без того осознающий своё ничтожество, совсем погрузится в свои комплексы. И нынешняя выходка совершенно не делала ей чести. Ведь она могла отшить его тихо, без привлечения внимания всей компании.

«Да пошёл он, этот Юрик», – разозлилась она и бросила окурок в дверь. «Бычок», рассыпая искры, перелетел все десять ступенек пролёта и попал точно в дверную ручку.

«Незачем было строить из себя мачо. Сам дурак».

В голове ухало чуть сильнее, чем днём, а это означало, что через полчаса её ждала жуткая головная боль. Так бывало всегда, а сегодняшний день был просто создан для этого. Плохое самочувствие в плохой день – закон.

Лана вышла на улицу. Тёплый ветерок ненавязчиво обдувал разгорячённое лицо, делая день чуть менее скверным. Лана улыбнулась, подбадривая себя.

– Прорвёмся, подруга. По крайней мере, сегодня хуже уже не будет.

Но она ошиблась. Запас неприятностей на этот день ещё не иссяк. Это она выяснила через пару километров, решив, что нужно садиться в метро и ехать домой.

Она полезла в карман за проездным билетом, но там его не оказалось. Так же, как и денег.

– Ох ты, блин, – расстроено и зло пробормотала она, вспомнив, что не взяла свою сумочку из дома, а просто свалила всё необходимое в большую сумку Лены. «В твоей всё равно прибавления не будет заметно», – подколола она Лену, когда они, готовые выходить, обувались. Лена тогда улыбнулась, видимо, не поняв шутки.

А вот Лане сейчас совершенно не хотелось улыбаться. Хотелось заплакать.

– А вот и не вернусь, – решила она, представив кислую мину Юрика и шуточки, которые начнёт отпускать Серёженька – именинник.

Очередное огорчение ожидало её примерно через несколько минут, когда она достала телефон, сообразив, что можно вызвать такси и расплатиться дома. Мобильник не работал. Она раз за разом нажимала на кнопку включения, но экран так и не засветился.

– Да что же это такое!

Телефон, который она заряжала раз в неделю, решил вырубиться именно сейчас.

«В такой день не удивительно», – подумала Лана.

Ничего не оставалось, кроме как идти пешком. По её расчётам, на это требовалось часа два с половиной – три.

«Хорошо, что хоть на улице тепло», – постаралась Лана немного раскрасить ситуацию, но это не помогло. Ложка мёда в целой бочке дёгтя была совершенно не заметна.

Прогулки по ночной Москве Лане нравились. Город, днём суетливый, как блохастый пёс, к ночи успокаивался настолько, насколько вообще может успокоиться многомиллионный мегаполис. Темнота, разбавленная тысячами разнообразных огоньков, была удивительно уютной. Потихоньку из головы вылетали неприятности этого дня.

«Нет, наверное, уже вчерашнего», – подумала Лана и машинально достала телефон.

– Ах да, – проговорила она, глядя на тёмный экран, и убрала его обратно в карман.

Она совершенно потерялась во времени. Как назло, ей нигде не попадались уличные часы, которыми обычно был усеян буквально весь город. Лана не помнила, когда последний раз у неё возникала такая проблема – невозможность выяснить, который час. Обычно было наоборот. Куча экранов, мониторов, циферблатов беспрестанно сообщали, говорили, выкрикивали твоё положение во времени, не давая возможности его забыть.

На Гоголевском бульваре, в сотне метров от начала Остоженки, она подошла к высокому мужчине в брюках и белоснежно-белой рубашке, который в ожидании нужного сигнала светофора сосредоточенно поддевал ботинком камешек, отколовшийся от бордюра.

– Вы не подскажите, сколько времени?

У неё мелькнула странная мысль, что в такой день этот человек обязательно начнёт знакомиться с ней самым вульгарным способом, но мужчина лишь одёрнул манжету, взглянул на часы и, изобразив на лице нейтрально-равнодушную улыбку, ответил:

– Час тридцать три.

Пешеходный светофор переключился на шагающего зелёного человечка, и мужчина степенно двинулся через дорогу.

– Спасибо, – негромко проговорила Лана вслед, но человек либо не слышал, либо делал вид. Ярко-белое пятно рубашки постепенно удалялось в сторону Волхонки.

– Зануда, – констатировала она.

Отметив, что вчерашний, невезучий, день закончился, Лана улыбнулась. Она и впрямь чувствовала себя лучше.

– Надо было у зануды «стрельнуть» сигарету.

Лана пересекла Пречистенку и вышла на Остоженку. Она автоматически продвигалась вперёд, мысленно прокладывая путь до дома и пытаясь посчитать время. Она не увидела, что

перед ней прямо из стены старого жёлтого дома материализовался человек и задумчиво остановился посреди тротуара. Лана заметила странного прохожего, только когда налетела на него.

3

В конце концов Денис решился и нажал на кнопку звонка. В глубине квартиры раздался перезвон колокольчиков, и тут же поступил ответ, словно хозяин квартиры знал, что парень топчется возле двери.

– Прошу вас. Дверь открыта.

Денис поднёс руку к дверной ручке и замер. Затем отдернул её. Провёл рукой по волосам и почувствовал, что вспотел. Спустя несколько секунд, всё же решился: потянул ручку вниз и толкнул дверь от себя.

Из прихожей пролился мягкий жёлтый свет, осветив небольшой участок погружённого в полутьму подъезда. Денис шагнул внутрь. В груди появилось странное ощущение, словно сквозь тело пропустили электрический ток. Безболезненно и даже немного приятно. В голове на миг помутилось. Когда Денис переступил порог, непонятное ощущение ушло. Он машинально закрыл дверь. Тихо щёлкнул язычок замка, заходя в свой паз.

Квартира выглядела совершенно нежилой. Одноцветные серые стены и поблекший потолок навевали мысли о больнице. Возле двери на стене находилась пустая вешалка. Чуть дальше располагался тёмно-коричневый, почти чёрный, платяной шкаф – массивная, более подходящая для замка, чем для квартиры, громада. Рядом стояла тумбочка, под стать шкафу, с телефоном на ней. И всё. Не было ничего, что могло бы хоть что-то сказать о хозяине квартиры. Абсолютная безликость. Как будто за двадцать минут до прихода Дениса в совершенно пустой квартире хозяин с бригадой грузчиков расставил немногочисленную мебель, дабы гостю не было слишком тоскливо. Денис поёжился. Решение прийти сюда уже казалось ему абсолютно опрометчивым. Решение глупого курьера, который, поведясь на обещанные хрустящие купюры, припёрся посреди ночи в здание, более похожее на склеп, чем на жилой дом, и собирается общаться с человеком, который говорит так, словно объявляет станции метро.

– Денис, не разувайтесь, у меня не прибрано.

Денис не мог с этим спорить. Вездесущая пыль покрывала все. Телефон, когда-то ярко-зелёный, стал серым. Все изгибы и выпуклости дверок платяного шкафа были обведены осевшей на них пылью. Денис обернулся. На паркете в пыли остался чёткий след от его левой ноги. Жуткая мысль, пришедшая пару минут назад в подъезде, вновь вернулась. Следы. На полу он не обнаружил никаких следов, кроме тех, что оставил сам...

– Ну что же вы?

«Надо бежать отсюда. Руки в ноги и не останавливаться до канадской границы», – моментально решил Денис.

Здесь творилось что-то совершенно непонятное, и у него не было никакого желания выяснять, что именно. Он развернулся и ухватился за ручку. Денис понял, что дверь не откроется. Она никогда не открывалась в самый ответственный момент. Тысячи пересмотренных голливудских фильмов подтверждали этот основополагающий закон бытия.

Он дернул за ручку. Дверь распахнулась. В этот миг за спиной раздался голос:

– Закрой дверь.

Денис подчинился.

Голос, который должен был быть громким и звонким в пустой квартире, прозвучал глухо и моментально затух, не образовав никакого отзвука.

– Повернись.

Сам того не желая, Денис отпустил дверную ручку и повернулся. Сначала он увидел перед собой только белое пятно. Секунда, и пелена сошла с глаз.

Перед ним стоял довольно высокий мужчина. На нём был чёрный костюм, который идеально ложился на худощавую фигуру, как будто шился по заказу. Ярким пятном, поразившим

Дениса, оказались длинные волосы. Он никогда не видел столь яркого и чистого белого цвета. Натуральные светлые волосы всегда отдавали некоей желтизной, крашенные вообще имели вид выстиранного в «белизне» белья, а у этого человека они были просто белыми, как новая простыня. Худое лицо не имело изъянов и растительности, будто перед Денисом стоял мальчик, ещё не столкнувшийся с юношескими прыщами и пушком на верхней губе. На вид ему можно было дать лет двадцать – двадцать пять, но глубокий, проникающий и невероятно утомлённый взгляд больших глаз никак не соответствовал этому возрасту. Серые глаза выглядели древними.

– Давай не будем суетиться. Просто пройдем и поговорим.

Тонкие губы выбивали слова отчётливо, но совершенно безэмоционально. Выцветшие серые глаза неотрывно смотрели на Дениса.

Пару секунд человек продолжал пристально его изучать, затем развернулся и двинулся в комнату. Денис посмотрел на пол: за странным хозяином квартиры тянулся хвост весьма заурядных следов. Точно такие же подошвы отпечатались по всей прихожей.

У Дениса возникла глупая мысль ущипнуть себя. Может, он сейчас проснётся у себя в квартире, а всё это окажется просто ночным кошмаром, навеванным каким-нибудь не самым лучшим образцом из его видеокolleкции. Но то, что делали герои второсортных фильмов ужасов, он посчитал неприемлемым. Всё происходило на самом деле, и не стоило тешить себя мыслью, что всё это сон. Он двинулся следом за человеком с белыми волосами и выцветшими глазами.

Комната была под стать коридору. На этот раз вся меблировка состояла из двух обшитых кожей чёрных кресел с маленькими изогнутыми ножками и журнального столика со стеклянной столешницей между ними. Войдя, Денис обернулся и увидел справа от себя огромную картину. На ней Ева протягивала яблоко Адаму; чуть в стороне, обвивая райское древо, на обнажённую пару пристально смотрел змей.

Человек присел в кресло, затем рукой указал на второе:

– Присаживайся.

Денис скинул рюкзак и неохотно последовал приглашению. Он ощущал себя безвольным кроликом перед глазами удава.

– Итак, позволь представиться... – произнёс человек и замолк.

Повисла пауза. Денис не решался разрушить тишину, хотя обычно не упускал возможности уколоть собеседника какой-нибудь глупой шуткой. Человек с белыми волосами совершенно не походил на объект для шуток.

Несколько секунд спустя человек улыбнулся, словно ему в голову пришла интересная мысль.

– Меня зовут Анкудинов Константин Андреевич. Пожалуй, это всё, что тебе необходимо знать обо мне.

Он продолжил:

– Твоя работа будет чрезвычайно проста. Собственно говоря, это будет работа, которой ты занимаешься постоянно. Всё, что от тебя требуется, – это разносить письма. Раз в неделю, в тот же день и то же время, что и сегодня, ты будешь приезжать сюда. Я буду давать тебе несколько пакетов, на которых будет указан адрес, получатель, день и время получения. Никаких отчётов мне писать не надо, я всегда буду тут же узнавать о том, что ты посылку передал. – Человек подался вперёд и пристально посмотрел в глаза Денису. – Или не передал. Оплата будет производиться во время наших встреч. Кстати, пока не забыл...

Человек достал дорогой на вид чёрный кожаный бумажник и вынул оттуда несколько купюр.

– Давай сразу разберёмся с авансом, ну, или с компенсацией, в зависимости от исхода нашей беседы, и перейдём к твоим вопросам.

Денис машинально взял протянутые деньги. Ему не нравилось то, что происходило. Тут был какой-то подвох. Ситуация напоминала сделку с дьяволом. И, судя по просмотренным фильмам, никогда сделка с дьяволом не приводила к добру. Разве что в легкомысленных комедиях. Но нынешняя ситуация нисколько не походила на комедию.

Тысячерублёвые купюры упали на столик.

– Нет, извините, Константин... – он замялся.

– Андреевич, – подсказал человек, глядя на него своими древними глазами. Его взгляд словно проникал под кожу, под черепную коробку прямиком в мозг. Денис даже на миг почувствовал копошение в голове. Как будто чесалось что-то внутри, что невозможно почесать, но и игнорировать сложно.

– Да, точно, Константин Андреевич. Так вот, боюсь, у нас с вами бизнес не срastётся. Спасибо за такое щедрое предложение, но...

– Не торопись с решением.

Продолжение речи застряло у Дениса в горле. Он беспокойно посмотрел на Константина Андреевича. Анкудинов прищурил глаза, словно у него на уме была какая-то хитрость, но из-за глаз, холодных и бесчувственных, мимика казалась пародией на эмоции.

Константин Андреевич наклонился, пытаясь что-то достать из-под стола. Денис заметил под стеклянной поверхностью стола чёрный портфель. Он готов был поклясться всей своей видеоколлекцией, что минуту назад там ничего не было.

«Сейчас достанет ствол и начнёт палить почём зря. Надо же было вляпаться в такое дерьмо», – внутренне напрягся Денис, хотя ясно понимал, что такого не произойдёт. Он же не в кино. И, кроме того, Анкудинов ещё не изложил свои аргументы.

Константин Андреевич вместо ствола достал чёрный ноутбук.

Рука Дениса потянулась к волосам, но он заставил себя опустить её.

Анкудинов выставил ноутбук на журнальный столик и включил. Поколдовав несколько секунд, он развернул компьютер монитором к Денису, а сам встал и прошёл ему за спину. Денису это совершенно не понравилось. При приближении Константина Андреевича по его рукам побежали мурашки.

Экран несколько секунд оставался тёмным, а затем появилась картинка: безлюдный переулочек и несколько припаркованных вдоль дороги машин. Камера невидимого оператора сначала прошла по ряду автомобилей, а затем остановилась на одном из них – огромном чёрном внедорожнике прямо напротив камеры.

Денис застыл в ужасе, поняв, что именно сейчас ему собираются показать. Он не представлял, как это возможно, но оператор, судя по расположению камеры, стоял в пяти метрах от внедорожника. Причём непосредственно на дороге.

На экране события начали развиваться. Слева в кадре появилась худая фигура. Поблизости не работал ни один фонарь, однако героя этого ролика было отчётливо видно: голубые джинсы и чёрная футболка. В руках у фигуры угадывался большой и, судя по всему, увесистый пакет.

«Этого не может быть, – в панике, к которой примешивалась большая доля страха, подумал Денис. – Он не мог там быть, я бы его увидел, он не мог там быть...»

Но ролик с Денисом в главной роли доказывал обратное.

Сердце Дениса глухими быстрыми ударами отдавалось в горле. Он почувствовал, как пот выступил на лбу. Лицо обдало жаром, словно он стоял возле пышущей на полную мощь печи.

Денис, тот, что на экране, скрылся за внедорожником. Через минуту он вновь появился в кадре и встал впереди внедорожника так, что был теперь отчётливо виден в профиль.

– Мой любимый эпизод, – произнёс Константин Андреевич из-за спины.

Денис вздрогнул. В страхе, что его тайна кому-то известна, он и вовсе забыл, что Анкудинов стоит сзади.

– Много раз его пересматривал.

«Когда? Ведь это произошло пару часов назад», – мелькнула мысль.

Он смотрел на экран, ожидая продолжения. И оно последовало: молодой человек на экране воровато оглянулся, а затем... спустил до колен джинсы и достал свой...

Константин Андреевич расхохотался: наигранно, холодно и безжизненно. Этот жёсткий смех, словно острая льдина, проник в голову Денису.

Тем временем человек в ноутбуке, озираясь, облегался на машину. Окончив, он вдруг дёрнулся, быстро натянул штаны и присел. Замер, сидя в метровом пространстве между машинами. Звук отсутствовал, но Денис знал, что сейчас по дороге, на которой стоял невидимый оператор, проедет автомобиль. В ту же секунду нижняя часть экрана превратилась в одно размытое пятно: легковая машина пролетела в каких-то сантиметрах от камеры.

«Его там не было», – осенила Дениса жуткая мысль. Он не знал, как это возможно, но оператор там не стоял. Машина не могла спокойно проехать в такой близости от человека. Она бы вильнула или притормозила, но точно не проехала бы так, словно рядом никого нет. Это было невозможно, но всё же было: оператор там не стоял, однако сама запись существовала.

Вновь стало видно Дениса: тот посидел ещё несколько секунд, потом привстал и внимательно изучил территорию вокруг себя. При этом он не единожды мазнул взглядом по тому месту, где расположился невидимый оператор. Он всегда проверял территорию, прежде чем реализовывать задуманное. Он считал, что грамотная разведка перед проведением операции являлась залогом успеха. Денис – герой ролика снова нырнул за внедорожник и вновь появился. На этот раз он держал в руках тёмно-серую пластмассовую канистру. Отвинтил крышку и начал плескать жидкость на автомобиль. Капот, колёса, двери, крылья. Через две минуты дело было сделано.

Денис смотрел, не отрываясь. С одной стороны, он понимал, что этот ролик – очень сильный компромат в руках человека с белыми волосами. Но с другой, в данную минуту ему было глубоко плевать. Когда происходящее на экране приблизилось к самому главному, он забыл обо всём. Он заморожено смотрел на себя со стороны, испытывая новое ощущение: не адреналин, но незабываемое послевкусие адреналина.

Денис на экране убрал канистру обратно в пакет. Огляделся: никого. Посмотрел на дорожку, скрывающуюся за заброшенным одноэтажным домом. Она выведет его на параллельную улицу, такую же безлюдную в этот час. Мелькнула искра, ещё раз, и в руках появился оранжевый язычок пламени. «Зиппо». Андрюха подарил Денису год назад. Денис не курил, но для его небольшого хобби эта зажигалка подходила как нельзя лучше. Она смотрелась серьёзно. Придавала всему действию ощущение основательности и завершённости. Денис очень любил проверять, сможет ли «Зиппо» вспыхнуть десять раз подряд. Как в том фильме – «Четыре комнаты».

Денис поднёс зажигалку к решётке радиатора, и вечерняя улица озарилась вспыхнувшим пламенем. «Дровишки дорогие получаются», – так подумал он несколько часов назад, стоя перед полыхающей машиной, и сейчас, в этой странной квартире, он вспомнил эту мысль. Оба Дениса одновременно улыбнулись. У героя короткометражного фильма, впрочем, улыбка достаточно быстро пропала – нужно было уходить. Он ещё раз огляделся и пропал из кадра.

Камера некоторое время продолжала показывать полыхающую машину, а потом отключилась. Судя по всему, красота огня не интересовала оператора. Его интересовал тот, кто этот огонь зажжёт.

Константин Андреевич обошёл столик, захлопнул крышку ноутбука и сел в кресло.

– Итак, теперь мы спокойно можем обсудить твоё желание, или нежелание, работать на меня. Давай взвесим все, так сказать, *pro et contra*, – человек положил на стол левую руку ладонью вверх. – На одной чаше весов ты. Работающий, зарабатывающий, распорядившийся почти

всем своим временем. Взглянем на другую чашу. – На стол легла правая рука. – Удивительно! Там тоже ты. Но посмотри на себя. Там ты жалкий мелкий уголовник.

Константин Андреевич сделал паузу. Дал Денису осознать и прочувствовать оба варианта.

Денис глубоко задумался. Как быстро всё сошло к банальному шантажу. Вся вступительная часть была только для того, чтобы сказать: «Тебе придётся делать то, что мне нужно. Вариантов нет». И ради кого? Ради человека, у которого не хватило запала закончить институт и не хватило мозгов найти более или менее нормальную работу. Зачем он нужен был этому Анкудинову?

Константин Андреевич прервал его размышления.

– В моём распоряжении записи всех твоих так называемых операций «Огненный шквал». – Он усмехнулся. – Хотя, по моему скромному убеждению, лучше бы подошло название «Цунами». В общем, перспективы в случае твоего отказа от сотрудничества со мной совершенно нерадужные. Однако же было бы грубостью с моей стороны принуждать тебя к каким-либо договорённостям без твоего на то согласия. Всё должно происходить *bene placito*¹. Добрая воля обеих сторон – залог плодотворного сотрудничества.

Денис молчал. Он хотел что-то сказать, но не смог. В горле пересохло. В один миг в его жизни всё представилось совершенно в другом свете. Этот человек с белыми, как у Леголаса из «Властелина колец» волосами, за несколько минут взял его за горло так элегантно и непринуждённо, что Денис онемел. В голове билась одна мысль «Загнал в угол, как крысу, загнал в угол, как крысу, загнал в угол...», мешая мыслить более рационально. А сейчас как раз и наступил момент, когда требовалась здравая, взвешенная мысль, способная изменить расстановку сил. Но, к сожалению, ничего более связного в голову так и не пришло.

– Денис, я не хочу тебя торопить, но...

Анкудинов пристально посмотрел ему в глаза. От этого взгляда по спине Дениса пробежал холодок. Он отвёл глаза – просто был не в силах смотреть на эти холодные древние глаза.

– Хорошо...

Анкудинов кивнул и поднял вверх длинный и тонкий, как у пианиста, указательный палец. Денис мельком отметил, что ноготь выглядел так, словно над ним совсем недавно поработала маникюрщица.

– Не просто «хорошо», а «хорошо, Константин Андреевич». Люблю, когда люди соблюдают правила приличия.

– Хорошо, Константин Андреевич.

– Вот и отлично, Денис. Я с самого начала знал, что ты – парень смышлённый. Итак, давай разберёмся с заданием на неделю.

Константин Андреевич снова полез в портфель и на этот раз достал небольшую пачку конвертов. Положив письма на стол, он аккуратно тем же указательным пальцем подвинул их к краю столика, где сидел Денис.

– Прошу, – произнёс Анкудинов, сделав приглашающий жест ладонью.

Денис взял верхний конверт. Бумага показалась ему очень качественной – твёрдой, как картон, и в то же время приятной на ощупь, как бархат. Внутри, судя по толщине конверта, лежал один лист, не более. В левом верхнем углу ярко-белого конверта располагался логотип: красные плавающие буквы, словно под надписью бурлила лава. «AMS». Он о такой фирме никогда не слышал. Походило на какую-то пародию: «EMS», «UPS», а теперь вот и «AMS». В правом нижнем углу графы «Кому» и «Куда» были заполнены.

¹ По доброй воле (лат.)

«Парфёновой Людмиле Николаевне», – прочитал про себя Денис. Далее следовал адрес. Чуть ниже была написана дата и время. 01.09.2011 г. 10.34. Сегодня было двадцать девятое августа. Хотя, учитывая время, уже наступило тридцатое.

– А что это такое? – Денис показал пальцем на цифры.

– Ты невнимателен, Денис. В последующем настоятельно рекомендую тебе слушать меня получше.

Денис поёжился. От Константина Андреевича исходила холодная величественность, словно он был прокуратором, бесстрастно выносящим смертный приговор жалкому червя.

– Это дата и время, когда ты должен принести письмо. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Письма разложены в хронологическом порядке.

Константин Андреевич посмотрел на часы, наигранно, словно его совершенно не интересовало, сколько сейчас времени.

– У меня ещё очень много дел. Поэтому, если нет никаких вопросов, то я с тобой прощаюсь до следующего понедельника.

Не дав ему опомниться, Константин Андреевич встал.

– И помни, Денис, я узнаю о невыполненном поручении моментально. Будь аккуратен. Большие деньги подразумевают большую ответственность.

Денис прошёл в прихожую. Константин Андреевич открыл входную дверь и протянул ладонь. Денис машинально, не отдавая себе отчёт, отпрянул от руки. Он не хотел прикоснуться к этому человеку. Но взглянув вниз, Денис увидел зажатые в руке «тысячерублёвки», которые он оставил на столике.

«Чёрт, продал душу дьяволу, а деньги взять забыл. Очень смешно».

Только вот смеяться-то и не хотелось. Денис взял купюры и пробормотал:

– До свидания.

Он вышел в подъезд. Дверь за спиной захлопнулась.

На выходе из дворов Дениса ожидало странное зрелище. Остоженка светилась. После темени двора дома номер шесть «а» улица, казалось, просто источала сияние. Денис моргнул. Нет, всё вроде было как обычно. Улица как улица.

В этот момент Дениса кто-то толкнул.

4

Виктор Погодин последний раз затянулся горьким дымом и бросил окурок в форточку.

«Надеюсь, внизу не копошится какой-нибудь мудака, – подумал он. – Хотя от одного «бычка» хуже ему не станет». Он хрипло рассмеялся и тут же зашёлся в удушающем кашле. На стекле остались крупные алые брызги. А вот это уже было не смешно. Не стоило ходить к «коновалам», чтобы понять, что осталось ему совсем немного.

– Не доставлю удовольствия этим сволочам – сдохну дома.

Скрипучий, булькающий голос, раздавшийся в пустой «однушке», испугал Виктора. Он закрыл форточку и прошёл на кухню. Там насыпал сухой корм в железную миску на полу, и, задохнувшись, сел на табурет.

– Господи, шага не сделаешь без одышки.

Ему было невыносимо слышать свой голос, похожий на карканье старого ворона, но в последние годы кроме себя ему не с кем было поговорить. Редкие исключения (в основном, кассирши в супермаркете в паре сотен метров от дома Виктора) только подтверждали правило – никому не было дела до умирающего старика с отвратительным характером.

Облезлая кошка медленно зашла в комнату, посмотрела на хозяина и, жалобно мяукнув, двинулась к своей тарелке.

– Жри, Мурка, жри, старая дура. Когда сдохну, некому тебя покормить будет.

Кошка была того неопределённого цвета, который присущ старым животным: белые лапы и туловище стали светло-серыми, чёрные хвост и голова превратились в тёмно-серые. Она походила на выцветший половичок в прихожей Виктора. Да что там, она выглядела как звериное выражение своего хозяина – никому не нужное, доживающее свой век существо.

– Посмотрим, кто кого, – прохрипел Виктор, подумав, что Мурке тоже, как и ему, осталось недолго.

Глядя на то, как кошка поглощает корм, Погодин вспомнил, что сам он сегодня ещё не ел. Старые настенные часы, имитирующие ручные, показывали пятнадцать минут четвёртого. На завтрак он выпил чашку крепкого чая без сахара (два пакетика) и покурил (две сигареты, одна за другой). Видимо, пришла очередь обеда. Судя по часам.

Виктор открыл холодильник. В морозилке обнаружилась пачка пельменей, превратившаяся в монолит, а внизу – растительное масло и несколько яиц. Давно засохшая горчица в банке дополняла картину. Есть не хотелось, но нужно было себя заставить.

Виктор поставил кастрюлю на плиту и снова сел на табуретку. Так он сидел, уставившись в стену, до тех пор, пока вода не закипела. Он думал.

Перекусив, Виктор вышел в гостиную и открыл дверцу шкафа, стоящего напротив выхода на балкон. Чуть приподнявшись на цыпочках, он пошвырялся в грудe одежды и извлёк увесистый бинокль с белыми буквами “Zeiss”² на синем флажке. Зачем было его прятать? Никто уже несколько лет не появлялся в его квартире. Может быть, просто привычка? Как говорится, бережёного Бог бережёт. Хотя насчёт последнего у Виктора были большие сомнения. По крайней мере, его сына и жену Всевышний сохранить не соизволил. Одиннадцать лет назад двое подонков убили несчастную женщину. Из-за серёжек. Из-за дешёвых серёжек, которые Виктор ей подарил за неделю до убийства. Вот так подарочек. Но, видимо, Богу показалось этого мало, и он забрал к себе ещё и сорокалетнего сына Виктора – Славу. Сын умер от сердечного приступа, неся на плече гроб матери. Тело усопшей съехало прямо на него, и хлоп! Уже не один труп, а два. Наслаждайся, Витя, и благодари Всевышнего за дары его.

² “Carl Zeiss” – германская компания, специализирующаяся в области оптики.

Следом за «цейссовским» биноклем Погодин достал штык-нож. Стрелковая энциклопедия сообщала, что это аксессуар от АК-74. Виктор пару лет назад нашёл его в лесу завернутым в пакет. Возможно, нож уже попробовал крови до того, как попал к нему. Виктор это не интересовало.

Штык-нож оказался совершенно тупым. Им было довольно сложно проткнуть что-либо толще, чем лист картона. А заточка походила на сизифов труд. Но Виктору нравилось это оружие. Он не собирался менять его на нож, хотя это казалось гораздо проще. Виктор верил, что эта находка была знамением. Ещё бы, ведь через две недели после того, как он нашёл штык-нож, убийцы Катеньки вышли на свободу.

Обоих убийц выпустили через восемь лет. Виктор стал следить за ними. Приобрёл бинокль, выяснил, где жили эти ублюдки. Последнее оказалось не таким уж сложным делом, так как адреса находились в материалах дела. Время от времени, приходя домой, уставший и задыхающийся, он, не разуваясь, проходил в гостиную, брал штык-нож и алмазный надфиль, садился на табуретке в кухне и принимался затачивать острие ножа. Сперва у него ничего не получалось, но со временем он приноровился, и в конце концов добился нужного результата. На лезвие он не обращал внимания. Он не собирался резать, он собирался колоть. Позже выяснилось, что после первого удара острие моментально затуплялось, но это не смущало Виктора. Он надеялся, что для того, чтобы убить, будет достаточно одного удара.

С первым из убийц он разобрался в парке.

На улице в тот день, чуть меньше года назад, стояла зябкая октябрьская погода. После ночного дождя сырость, казалось, проникала прямо внутрь.

В молодости Виктор любил такую погоду. Он время от времени выходил после дождя и прогуливался в одиночестве, наслаждаясь сырым свежим воздухом. Катя, его жена, всегда удивлялась этому. «Я не знаю, милый, ни одного человека, которому бы нравилась эта мерзость», – говорила она ласковым тоном, в котором он чувствовал нотки убеждённости в своей правоте и снисходительности к тем, кто по собственной глупости не принимает её точку зрения. Но с возрастом сырая погода стала нравиться ему всё меньше и меньше. Артрит, первые признаки которого появились после пятидесяти, постепенно отбил желание совершать подобные прогулки.

В тот день, когда он совершил своё первое убийство, руки нещадно ломило, словно ладони были зажаты в тиски, а пластины постепенно сближались, перемалывая кости. Старые кожаные перчатки совершенно не помогали. Хотелось плюнуть на всё и пойти в относительно тёплую квартиру, выпить пару-тройку рюмок водки и, немного согревшись, забыться сном без сновидений. Но идти на поводу своих желаний означало предать свою семью и память о ней.

Виктор начал слежку с вечера пятницы. Он проследил, как убийца вышел из дома, прошёл несколько кварталов и свернул в старую панельную пятиэтажку. Он знал, что здесь обитали собутыльники этого ублюдка – такое же отродье, как и сам убийца. Но другие не волновали Виктора – не они воткнули нож в живот его Катеньки и не они сорвали дешёвые серёжки с ещё живой женщины так, что разорвали мочки ушей надвое. Его интересовал Дмитрий Кондратенко 1977 года рождения, один из убийц его жены.

Всю ночь Виктор просидел на скамейке возле здания, где скрылся Кондратенко. Время от времени он прохаживался по двору, стараясь не спускать глаз с железной двери подъезда. Он знал, что этот ублюдок не покинет дом до утра. Так случалось всегда. Но всё же не стоило полагаться лишь на это знание, потому что слишком многое стояло на кону.

Кондратенко, тощий как доберман, с крысиной мордой и маленькими мутными глазками, вышел из подъезда в полчетвертого утра, не обратив никакого внимания на сидящего на лавке старика. Грабитель и убийца улыбался пьяненькой улыбочкой – он был доволен жизнью. В этот

момент он явно не думал о старухе, из-за которой провёл восемь лет за решёткой. Но Виктор Погодин, бывший муж и отец, собирался об этом напомнить.

Воронцовский парк, безлюдный в этот предутренний час, как нельзя лучше подходил для акта возмездия. Виктор, узнав, что Кондратенко практически каждую пятницу ходит через парк, досконально изучил весь путь – всё вплоть до количества фонарей и скамеек. Оставалось только дожидаться удобного времени. И это время настало.

Полная луна на чистом от облаков небе хорошо освещала дорожки. Она походила на глаз великана, подсматривающего сверху на то, что должно было произойти внизу. Она словно говорила: «Давай, старик, делай своё дело, а я тебе помогу. Никто ничего не узнает кроме тебя и меня... и того парня, которого ты собираешься убить». Погодин шёл следом за медленно плетущимся Кондратенко на расстоянии двадцати – тридцати метров. Худая сутулая фигура Кондратенко время от времени делала зигзаги к краям дорожки, а потом возвращалась на первоначальный курс, продолжая своё неуверенное движение вперёд. Постепенно, по мере того, как они углублялись в парк, Виктор подобрался ближе. Теперь он двигался в десятке шагов позади и слышал, как Кондратенко несвязно бормочет себе что-то под нос. Когда кончился ряд скамеек, и деревья, лишённые листвы, подступили ближе к дорожке, Виктор увидел декоративное озерцо, которое уже давно заметил. Метрах в десяти, прямо у берега, стояло недостроенное одноэтажное здание. Полуразрушенные кирпичные стены были покрыты десятками непонятных картинок, раскрашенных яркими цветами, и слов, слепленных из разнокалиберных, словно кривляющихся, букв. Кирпичи поменяли белый цвет на грязно-жёлтый. Кладка местами была разрушена – внизу, под стеной, землю покрывала цементная пыль и валялись осколки кирпичей. На другой стороне водоёма стояли маленькие будочки недорогих закусочных, на счастье закрытых в этот ранний час. Видны были лишь яркие перемигивания датчиков сигнализации на окнах.

Дорожка постепенно подступала к озеру. Виктор сдерживал себя, дожидаясь, когда Кондратенко максимально близко подойдёт к воде. Ведь потом Погодину придётся тащить мёртвое тело к озеру, а в его возрасте эта задача была не из лёгких. Когда от Кондратенко до ближайшего бережка оставалось всего метров пять, Виктор, наконец, позвал его хриплым голосом:

– Дима!

– Ч-ч-чего? – пробормотал пьяный Кондратенко и медленно, плохо держась на ногах, обернулся.

Штык-нож проткнул кожаную куртку и вошёл в плоть. Тихо и как-то буднично. Виктор отметил мысленно, что острие ножа нужно будет снова точить. Для второго убийцы. Но пока нужно было закончить с первым.

Кондратенко согнулся пополам. Он не кричал – он молча поднял непонимающий взгляд на человека, стоящего перед ним. Нож странным наростом, слившимся в темноте с чёрной курткой Кондратенко, торчал из живота. Постояв несколько секунд в таком положении, Кондратенко с тихим вздохом рухнул на колени.

– Помнишь меня, Дима?

Виктор задыхался. Он все силы вложил в удар и не представлял, что будет делать, если первого удара окажется недостаточно, и этот ублюдок встанет на ноги. Тогда, год назад, рак ещё не превратил Виктора в постоянно задыхающуюся развалину, но в семьдесят три года не приходилось ожидать особой прыти.

Но Кондратенко не встал. Он покачивался, стоя на коленях, и в его моментально протрезвевших глазах светилось узнавание.

– Ты, ты... ты муж той...

Он остановился.

– Да, Дима, я муж той женщины, которую вы, суки, ты и твой сраный дружок Филимонов, погубили из-за куска железа.

Виктор с трудом присел около Кондратенко, ухватился за ручку ножа и рванул его на себя. Сперва лезвие не поддалось, а раненный Кондратенко негромко взвыл. Виктор не обратил на это внимания и дёрнул ещё раз. Нож с еле слышным хлопанием вышел наружу. Кондратенко положил руки на рану, где растекалось тёмное пятно, едва различимое при лунном свете, и покорно смотрел на вновь вставшего Виктора.

Погодин хотел сказать умирающему, каково это – лишиться сразу всего за несколько дней, каково это – наблюдать, как мир трещит по швам, разваливаясь на части. Но, как назло, мысли не складывались в слова. Он стоял и молча смотрел на Кондратенко, стоящего на коленях.

Чувства удовлетворения не появилось. Остался только мерзкий осадок, словно он извалялся в грязи.

Кондратенко ещё несколько секунд держал взгляд на Викторе, затем его глаза затянуло поволокой, он плавно завалился набок и замер. Виктор, всё ещё держа окровавленный нож в руке, стоял над мёртвым телом и думал, почему смерть этого ублюдка не приносила облегчения. Ведь получилось именно так, как он себе это тысячи раз представлял. Кондратенко успел понять, за что умирает. Он узнал человека, которому он со своим дружкой испортил жизнь, и который теперь возвращал должок. Но почему же не стало лучше?

«Потому что вопрос решён ещё не полностью. Остался Филимонов», – подумал он, и стало немного легче. Виктор понимал, что после того, как он разберётся со вторым, его быстро вычислят, выяснив связь между двумя бывшими заключёнными, осуждёнными за одно и то же преступление на одинаковые сроки. Но это не имело значения. Совершенно никакого. Всё, что было после, его не волновало.

Виктор тряхнул головой. В последнее время он частенько уходил в свои мысли, забывая об окружающем мире, а сейчас нужно было двигаться, если он не хотел оставить дело незавершённым. Виктор машинально вытер окровавленный нож о рукав своего пальто и убрал его во внутренний карман.

«Чёрт, зачем я это сделал?»

Голова плохо соображала, а сейчас как раз требовалась чёткая работа мозга. Нужно было следовать первоначальному плану.

Виктор осмотрелся по сторонам и, никого не заметив, ухватился за ворот куртки мертвеца и потянул его в сторону ближайшего бережка. Несмотря на то, что Кондратенко был худым и низкорослым, Виктору казалось, что он тащит стокилограммовую тушу. Пальцы болели и плохо сгибались, поэтому ворот то и дело выскальзывал из перчаток, и тело съезжало на землю. Несмотря на холод, Виктор вспотел. Он задышался, и, как обычно, следом появился кашель. Сухой, болезненный, раздражающий изнутри горло и грудь кашель. В тот день Виктор ещё не придавал значения этой боли.

Он тихо бормотал:

– Давай, Димочка, ещё немного и я от тебя отстану. Ну что ж ты такой тяжелый, а? Давай, ещё чуть-чуть.

Наконец он дотащил тело до озера и отпустил куртку Кондратенко. Боль от пальцев толчками расходилась по рукам. Виктор еле держался, чтобы не закричать. Он не представлял, как он продолжит начатое, но останавливаться было поздно.

Внезапно за деревьями, в двадцати метрах от озера, раздались голоса. Виктор машинально присел. Коленные суставы возмущённо хрустнули. Смысла в этом не было – даже если случайные свидетели с такого расстояния и не могли увидеть лежащее тело, то уж сидящего на корточках на пустом берегу под лунным светом старика наверняка бы заметили. Получалось, что из-за какой-то загулявшей парочки весь план и выеденного яйца не стоил.

Раздался шорох листьев и веток под ногами. Он приближался. Как и голоса. Виктор сидел, затаив дыхание, не в состоянии даже пошевелиться. Он чувствовал, что не сдвинется с

места, даже если эти люди подойдут к нему вплотную. Голова крутила и крутила эту мысль по кругу: «Буду сидеть, даже если он подойдет, буду сидеть, буду сидеть».

Внезапно шорох прекратился. В установившейся тишине Виктор слышал, как в висках отдаётся стук сердца.

– Оль, по ходу, мы не туда идём, – раздался осторожный, даже немного вкрадчивый, мужской голос. Виктор почему-то представил себе эквилибриста, движущегося по канату в двадцати метрах от пола цирковой арены. Они с Катей и маленьким Славой видели такое в цирке на Цветном бульваре.

«Какая же чушь лезет в голову», – отчаянно подумал он.

– Ну я уже не знаю, – заныл, словно кошка под дверью, женский голос. – Это ты у нас всё всегда знаешь: что делать, куда идти...

– Вон дорожка, милая. По ходу, наша.

Молчание.

– Ага, точно, вон и «Летние грёзы», – заискивающе продолжил мужской голос.

И, о чудо, парочка стала удаляться, так и не появившись на дорожке возле озера.

Виктор дождался, когда голоса окончательно стихли, и встал. Ноги вибрировали, словно через них пустили не сильный, но чувствительный заряд электричества.

Он оставил труп возле воды и двинулся к недостроенному зданию. Существовал риск, что кто-нибудь появится и увидит мертвеца, но другого выхода не существовало – у Виктора просто-напросто уже не было сил маскировать тело. Он вошёл в пустой дверной проём и оказался в полной темноте. Лунный свет освещал небольшой пятачок у входа, но дальше, в глубине, не было видно ни зги. Виктор постоял несколько секунд, привыкая к темноте. Затем, осторожно, выставив руки вперёд и ощупывая ногой пол, двинулся вперёд. Несколько шагов, и Виктор присел. Пошарив в темноте, он обнаружил то, что искал. Две недели назад, прохаживаясь около озера и изучая местность, он наткнулся на кое-что интересное. Возле стены лежал отколотый кусок бетонной плиты. Совсем небольшой – ничего особенного. Но заинтересовал Виктора не сам этот камень, а петля из арматуры, торчавшая с одного края. Когда он увидел железный прут, обоими концами спрятавшийся в плиту, похожий на подкову, он понял, что действительно собирался сделать то, о чём так долго думал. Он собирался лишить жизни двух людей (если им подходил этот термин), которых он считал недостойными этой самой жизни. Увидев кусок железа, частично спрятанный в кусок камня, он тут же представил себе в красках, как использует всё это. Он очень надеялся, что найденная «подкова» будет на счастье. И теперь, спустя несколько минут после убийства Кондратенко, нащупав в темноте ребристый прут, он ещё раз подумал: «На счастье».

Ухватившись правой рукой за петлю, он просунул левую под камень и попытался поднять кусок бетона. Боль пронзила ладони. Виктор закусил нижнюю губу, чтобы не закричать.

«Когда же это всё кончится?» – подумал он в отчаянии.

Поднять камень он был не в состоянии. Подумав секунду, Виктор схватился за петлю уже левой рукой, которая болела меньше, и поволок камень по земле. Он тянул и думал, что эта попытка никогда не прекратится, что это Бог насмехается над ним, делая его существование чуть тяжелей. И ещё чуть тяжелей. И ещё.

«Получится чудесная надгробная плита», – настойчиво повторял он про себя, пока тянул тяжёлый камень к трупу Кондратенко. Эта мысль помогала отвлечься от непреодолимого желания остановиться и бросить начатое дело прямо сейчас и здесь.

Наконец он оказался возле тела.

– Я принёс тебе твою надгробную плиту, мёртвый ты сучий сын, – задыхаясь, озвучил он свою мысль и хрипло рассмеялся.

Лёгкие тут же отозвались кашлем, оставившим горечь во рту. Он ещё не добрался до той стадии, когда каждое напряжение глотки заканчивается невыносимым кашлем и кровавыми брызгами, но это уже было не за горами.

Прокашлявшись, Виктор расстегнул пару пуговиц и, оттянув рукой лацкан пальто, полез во внутренний карман. Холод моментально пробрался к груди, заставив Виктора поёжиться. Поначалу он не нашёл то, что искал.

«Чёрт, старый маразматик», – подумал, было, он, но тут же, просунув руку чуть дальше в глубокий карман, выдохнул. На месте.

Он извлёк моток тонкой верёвки, скрученный в тугую «восьмёрку». Пальцы не слушались, но, в конце концов, он смог развязать узел. Повернувшись к трупу, Погодин сделал шаг, но тут обнаружил кое-что странное. Рядом с телом Кондратенко лежало что-то тёмное. Виктор, поморщившись, присел, бросил верёвку на землю и взял непонятный предмет в руку. На ощупь вещь казалась твёрдой, но не настолько, чтобы оказаться камнем. Чуть развернувшись к свету, он, наконец, увидел, что держит в руках, и с омерзением отбросил. Чёрно-белая тушка мёртвой и заострившей сороки упала на землю. Виктор машинально вытер руки о пальто.

Виктор водрузил на тело Кондратенко увесистый камень таким образом, чтобы арматура осталась сверху. Руки ломало нещадно. В голове вновь, словно мигающий свет светофора, мелькала мысль: «Когда же это закончится, когда это закончится, когда?..»

Он продел левую кисть трупа в петлю. Правая же не желала проходить в оставшееся пространство. Погодин никак не мог управиться замёрзшими пальцами. В конце концов он медленно разогнулся и опустил тяжёлый ботинок на кисть Кондратенко. Хруст костей резанул по ушам и словно прочистил голову Виктору.

«Матерь Божья, что я делаю?»

Ему показалось, что он погрузился в какой-то жуткий сон, где всё происходит независимо от спящего, и события развиваются так, как того хочет сам сон. И теперь, проснувшись, он понял, что кошмар не закончился. Виктор постарался представить себя со стороны. Картинка получилась впечатляющая: безумный старик, который всадил нож в человека, а теперь измыивается над трупом в попытке замести следы преступления; руки измазаны в крови жертвы, на левом рукаве пальто следы того же багрово-красного цвета – там, где сумасшедший старик вытер оружие.

Виктор сел рядом с телом и положил голову на ладони. По лицу пробежал холодок от перчаток. Он так и сидел, пытаясь совладать со своими эмоциями. Нельзя было терять время – в любой момент мог появиться какой-нибудь случайный прохожий, но сил не хватало даже на то, чтобы встать. Если бы сейчас его обнаружили рядом с трупом, он был бы даже рад, потому что ему не пришлось бы продолжать начатое.

Через пять минут он почувствовал себя немного лучше и, не вставая, потянулся к переломанной кисти трупа. На этот раз правая рука Кондратенко влезла в петлю. Виктор развернул ладони мертвеца таким образом, чтобы они не выскользнули из ловушки, и подёргал. Получилось достаточно надёжно. Однако Виктор всё равно воспользовался верёвкой. Он не хотел, чтобы из-за какой-нибудь досадной мелочи его план сорвался. Ведь в живых оставался ещё один ублюдок, с которым предстояло разобраться.

Когда руки мертвеца были надёжно привязаны к арматуре, Виктор просунул ладони под спину Кондратенко.

«А что, если здесь мелко? Почему я это не выяснил? – пришла в голову запоздалая мысль. И снова он выругал себя, – Старый глупый маразматик».

Сомневаться и делать пустые предположения было уже поздно. Всё скатилось к банальному выбору: пан или пропал. И чем дольше он находился тут, тем больше становилась вероятность того, что кто-то может появиться и увидеть старика, пытающегося спрятать труп в озере.

Виктор с трудом столкнул тело в воду. Раздался тихий всплеск, и труп в считанные секунды исчез из виду.

– Пан, твою мать! – произнёс Виктор и зашёлся в кашле.

Когда приступ прошёл, он оглядел берег: ничего подозрительного, что могло привлечь ненужное внимание, в глаза не бросилось. Погодин медленно поднялся и шаркающей походкой двинулся прочь от озера.

Дома он, наспех раздевшись, рухнул в кровать в надежде забыться. Но сон в то утро не пришёл.

Виктор вернул на место бинокль, затем туда же положил штык-нож и всё прикрыл одеждой. После этого он заглянул на кухню и посмотрел на часы. Воспоминания об убийстве годовой давности выкрали пятнадцать минут из его жизни. Виктора это не удивило. С момента смерти жены и сына он всё чаще стал уходить в себя, предпочитая иллюзорный мир воспоминаний вместо холодной и безнадёжной реальности.

Через несколько дней, в субботу, он собирался навестить второго душегуба. Потребовалось несколько месяцев, чтобы подготовиться к этому. Сил становилось всё меньше, и откладывать было уже нельзя. Поэтому в ближайшее время он намеревался завершить свою месть.

5

– Ты чего тут растележился?

– А под ноги смотреть?

Вопросы прозвучали одновременно: голос Ланы был наполнен раздражением, копившимся весь предыдущий день, а парень, с которым она столкнулась, показался ей удивлённым и растерянным.

И тут же оба снова произнесли в унисон:

– А сама...

– А сам...

И замолчали. Парень, видимо, придя в себя и сориентировавшись, заявил:

– Ты первая.

Лана хотела высказаться, даже придумала в голове начало: «Встал тут, как столб, посередине мостовой, не обойти, не объехать», потом поняла, что её раздражение при виде доброжелательного лица этого неряшливого парня с всклокоченными волосами куда-то исчезло.

– Дурак, – проговорила она и невольно улыбнулась.

– Ценное замечание, мадам. Я приму это к сведению.

– Вот-вот. А после того, как примешь – причешишь.

И поняла, что перегнула палку. Но, казалось, парня это нисколько не смутило.

– Два ценных замечания я запомнить не смогу, – продолжил он паясничать, всё шире улыбаясь и при этом покраснев, что благодаря хорошему освещению улицы было хорошо заметно.

– Ладно, проехали, – проговорила Лана. – У тебя есть сигарета?

Парень, который, как поняла Лана, своим поведением пытался скрыть смущение, ответил вопросом на вопрос:

– Вот так просто, да? Толкнула меня, а теперь и сигаретку стреляешь?

– Конечно, так оно и делается. Так есть?

– У меня нет...

– Жалко.

– ... Но магазины должны ещё работать. – Парень вытащил из кармана джинсов телефон, взглянул на мониторчик и растерянно протянул, – Чёрт! Времени-то уже...

– Вот-вот!

– Я же был там минут двадцать, – еле слышно пробормотал он себе под нос.

Лана продолжила:

– Если бы вся проблема заключалась только в том, что нужен магазин, я бы решила её на раз.

– А в чём?

– А проблема в том, что у меня нет денег, которые, несомненно, попросят на кассе.

Парень кивнул:

– Да, кассиры – те ещё сволочи. Корыстные. Но эта проблема решается ещё проще – деньги есть у меня.

– Вот как?

Лана повнимательнее присмотрелась к парню. Неопрятный, с взъерошенными волосами, со смущённой улыбкой на худом лице. Он не был красавцем, и даже симпатичным, но мальчишески-озорная и в то же время неуверенная, улыбка придавала его образу какую-то живость. Она подумала, что он не похож на всех тех парней, которые до этого встречались на её пути. Этот её неожиданный ночной собеседник просто болтал с ней, не думая при этом (а подобные вещи Лана замечала моментально), как затащить её в постель. Лана понимала, что она краси-

вая, и что реакция, подобная реакции незадачливого Юрика, вполне естественна, но для разнообразия ей было приятно устроить немного бестолковую, но довольно забавную, словесную дуэль.

– Именно. – Вновь довольная и в то же время смущённая улыбка.

Парень указал в том направлении, откуда пришла Лана и продолжил:

– Можем попытаться счастья возле «Кропотки».

– А с чего ты взял, что я пойду с тобой?

Парень в очередной раз густо покраснел, что показалось Лане очень милым.

– Потому что я ещё не загладил вину перед тобой.

Лана ухмыльнулась:

– Объяснение так себе, но для начала сгодится.

– Но, – парень назидательно поднял указательный палец вверх, – у меня есть одно условие.

– Ты уж определись: то ли ты заглаживаешь вину, то ли ставишь условия, – рассмеялась Лана.

– И то, и то – мой выбор. Если куплю тебе пачку сигарет, прошу считать это первым свиданием.

– Ох, как ты быстр. Прежде чем получить согласие на свидание, нужно заслужить расположение дамы, так что всё по порядку – сперва одно, затем другое.

Они двинулись по Остоженке, и в этот момент она поняла, насколько двусмысленно прозвучала последняя фраза. Но тут же отмахнулась от этой мысли.

– Меня Денис, кстати, зовут, – прервал молчание парень.

– А я Лана, – в ответ представилась она и тут же предупредила возможную ошибку, – не Лена, а Лана.

– Я понял с первого раза.

– Замётано, – улыбнулась она.

Только сейчас она обратила внимание на то, что головная боль, донимавшая её, отступила. Дискомфорт доставляло только сильное желание закурить.

Маленький магазинчик в десяти метрах от входа в подземку работал. Лана выбирала себе сигареты, а Денис украдкой поглядывал на новую знакомую: упрямо поджатые губы и большие глаза, которые казались ещё больше из-за короткой причёски, маленький аккуратный носик и чуть пухловатые щёчки, – она была изумительна. Казалось, что в ней совместились нежность и жёсткость в идеальных пропорциях. Эдакая кошечка, которая в один миг может превратиться в львицу.

– Денис!

Он понял, что пялится на неё, и пробормотал что-то, кляня себя за то, что постоянно смущается.

– Доставай деньги, богатенький Буратино, и пойдём на улицу.

Он полез в карман за деньгами, которые ему дал Анкудинов. На миг он решил, что сейчас вытащит вместо банкнот пустые бумажки. Но «тысячерублёвки» остались «тысячерублёвками».

Расплатившись, они вышли. В серебристого цвета урну полетела полиэтиленовая обёртка, следом – фольга. Денис заметил, что руки Ланы еле заметно дрожат как будто от нетерпения.

– Давай постоим немножко, – предложила она.

Денис кивнул. Он смотрел, как Лана затянулась, картинно закрыла глаза и выдохнула. Потом она села на корточки и прислонилась к стене. Подняла взгляд на Дениса и чуть нахло-

нила голову, приглашая его присесть рядом. Он секунду раздумывал, а потом присоединился к ней.

Минуту стояла уютная тишина, прерываемая только гулом проезжающих по площади Пречистенские ворота и по Гоголевскому бульвару автомобилей. Денис вспомнил, как чуть больше часа назад удивлялся тому, что храм, расположенный напротив станции метро, совершенно не освещался. Теперь же здание превратилось в остров света благодаря десяткам невидимых прожекторов. Белые пятна стен чётко выделялись среди размытого жёлтого уличного освещения. Низ золотых куполов светился, словно под ними развели огонь, в то время как верхушки куполов с крестами на них были едва видны. Могущественное здание, казалось, собрало вокруг себя всё остальное: дома, столбы, асфальт, электрические провода – словно улица создавалась как часть величественного ансамбля. Денис не любил это место, но нехотя залюбовался.

– Красиво! – прервала молчание Лана.

– Где?

– Храм красиво смотрится.

Денис почувствовал нечто, похожее на стыд, словно его застукали за чем-то неприличным.

– Бассейн смотрелся бы лучше, – буркнул он, немножко разозлившись на неё за то, что она прочитала его мысли.

– Что? – переспросила Лана.

– Я говорю, что бассейн смотрелся бы лучше, – повторил Денис, повернувшись к ней.

Лана непонимающе взглянула на него.

– А при чём тут...?

– Ну как же, в советские времена здесь стоял огромный открытый бассейн. А в девяностые решили вернуть это чудовище. Зачем оно здесь нужно? Святости ни на грош: грабят население, а боженькой прикрываются. Вот бы попы свои «Лэнд Крузеры» продали, а деньги нищим раздали. Просто взяли бы и раздали. Тогда бы получилось честно и справедливо.

Лана отправила окурок в урну и встала. Денис увидел, как она улыбнулась, и в очередной раз отметил про себя, что у Ланы очаровательная улыбка.

– Но ведь согласишься, что красиво, – сказала она, глядя на него сверху вниз.

– И кому эта красота нужна? – распялся Денис, задрал голову. – Мавзолей тоже красивый, а внутри всего-то один сморщенный трупик.

Глаза девушки озорно блеснули:

– Но ведь согласишься, что красиво.

Денис посмотрел снизу-вверх на Лану и не смог сдержать улыбку:

– Ладно, соглашусь, только не дави на психику.

– Как можно! – рассмеялась она.

Денис упёр ладони в колени и поднялся.

– Ну, что... – Он замялся, – ... что будем делать?

Улыбка Ланы поблекла.

– Домой надо пробираться, хоть и непонятно, как это делать. Метро закрыто, до «Вернадского» пешком часа полтора топать...

– До «Вернадского»? – удивился Денис, – Так мне в том же направлении, на «Юго-западную».

Он мысленно порадовался. Ему не хотелось заканчивать эту встречу.

– Клёво! Тогда пойдём! – по голосу Ланы чувствовалось, что она не рада перспективе идти домой пешком.

– Зачем идти? – удивился он. – Я сейчас такси вызову и поедем.

– Я смотрю, ты точно богатенький Буратино, деньги из карманов торчат, – с улыбкой произнесла Лана. – Поехали.

Денис достал телефон и понял, что у него нет ни одного телефонного номера такси. Но, как оказалось, телефон знала Лана. Он набрал номер и попросил машину.

– Куда едем? – спросила девушка-диспетчер высоким писклявым голосом, больше подходящим ребёнку, чем взрослому человеку, имеющему право устраиваться на работу.

Денис ответил.

– Откуда вы едете? – спросила девушка, и у него возникло мимолётное желание отодвинуть телефон подальше от уха, чтобы не повредить себе уши.

Денис собирался ответить, когда Лана произнесла:

– Скажи, что мы будем стоять в начале Остоженки напротив ресторана «Ваниль».

У него в голове мелькнула мысль: «Я не хочу туда идти». Мелькнула и пропала. Он передал девушке с противным голосом место ожидания и выключил телефон.

– Ты её слышала? – спросил Денис.

– По-моему её слышали в радиусе километра все.

Денис рассмеялся:

– У меня чуть барабанные перепонки не выскочили.

Лана поддержала:

– Говори спасибо, что всё не закончилось кровоизлиянием в мозг.

Они перешли на Остоженку, и через пять минут к ним подъехал серебристый седан. Лана, не дожидаясь, пока Денис проявит джентльменство и откроет дверь, сделала это сама и забралась внутрь. Денис сначала хотел лезть за ней, но потом подумал, что это будет выглядеть немного преждевременно и сел рядом с водителем. Он не заметил, что на лице Ланы мелькнуло лёгкое разочарование.

Их путь лежал мимо дома номер шесть «а». Денис смотрел в лобовое окно, наслаждаясь ночным видом столицы, где темнота скрывает неприглядные стороны города, а свет фонарей, окон и вывесок обозначил выигрышные. Он бросил взгляд на дом номер шесть «а», и на миг ему показалось, что сквозь обветшалое здание он увидел что-то иное. Но наваждение тут же прошло, оставив после себя неприятный трепет в груди.

Лана смотрела в другую сторону и ничего удивительного не видела. Но внезапно на неё повеяло холодом, словно она неожиданно из лета перепрыгнула в позднюю осень. Во рту пересохло. Но уже через секунду холод пропал, словно его и не было. Она подумала, что кондиционер в машине слишком холодит воздух, и, прикрыв глаза, откинулась на неудобном заднем диване.

6

Свет, проникнув сквозь закрытые веки, разбудил Дениса. Он перевернулся на живот, чтобы солнце не било в глаза.

– Блин, долбаный фонарик, – промычал он заспанным голосом. Он давно уже собирался купить какие-нибудь дешёвенькие занавески, но как-то не сложилось.

Денис лёг спать в два часа ночи после двух литров выпитого пива и двух просмотренных один за другим фильмов: «Кошмары на улице Вязов» и «Семь». Первый оказался очень неудачным римейком классики жанра, поэтому пришлось «заедать» его проверенным фильмом. Крюгер не в исполнении Ингланда не имел права на существование – Денис это знал, но всё равно утолил свое любопытство, о чём сейчас и жалел. Десятки раз он разочаровывался: «Кинг-Конг», «Техасская резня», «Рассвет мертвецов», – но всё же с завидным постоянством приобретал этот низкосортный ширпотреб. И именно новый Крюгер нёс ответственность за головную боль Дениса.

«Слава тебе, Главный Начальник, что не надо никуда идти», – мысленно сбогохульничал он. Денег у него благодаря Константину Андреевичу было достаточно, поэтому...

– Твою в душу!

Денис вскочил, как ошпаренный. Окинул взглядом комнату в поисках мобильного и, не обнаружив его, рванул в коридор. Телефон лежал на тумбочке, под зеркалом, там, куда он вчера его бросил, придя домой.

09.14 – сообщили маленькие цифры вверху экрана. Денис рванул снова в комнату, схватил с разложенного дивана, служившего кроватью, мятую одежду и принялся поспешно одеваться. Футболка проблем не доставила, а вот джинсы никак не хотели налезать. Через несколько секунд ему всё же удалось справиться с этой проблемой. Он схватил телефон и выскочил в коридор.

Натянув кеды, Денис схватил валявшийся у двери рюкзак и распахнул дверь. И тут же вскрикнул от неожиданности – перед ним стоял Анкудинов Константин Андреевич.

Анкудинов не двигался и смотрел ему в глаза холодным взглядом. Набухшие желваки отчётливо выделялись на худощавом лице, словно Константин Андреевич еле сдерживал ярость. Денис почувствовал, как этот взгляд проникает под кожу, ощупывает мысли. Разом высохшие глазницы заломило. Денис хотел моргнуть, но веки не двигались. Он словно прирос к полу, не в силах пошевелиться.

Но оцепенение тут же спало. Внезапная резкая боль в висках скрутила Дениса и бросила его на пол. Он закричал. Тысячи невидимых пальцев закопошились в черепной коробке, то сжимаясь, словно тиски, то немного ослабляя хватку. Уши заложило от давления, рвущего голову изнутри. Агония продолжалась несколько секунд, но для Дениса она растянулась на долгие часы. И когда голова готова была разорваться на сотни частей, боль стремительно пошла на убыль.

Он лежал на полу. В ушах стоял гул, словно у него над головой низко пролетел самолёт. Внутренности ходили ходуном. Он раскрыл глаза и увидел удивительную картину – человек с белыми волосами таял. Сначала Анкудинов поблек, словно старая фотография, через секунду сквозь него уже можно было разобрать пошлую зелёную расцветку подъездной стены, а ещё миг спустя от работодателя Дениса осталась только рябь в воздухе.

Боль в голове утихла. Денис расслабил мышцы лица, застывшие, словно маска, и несколько раз моргнул. Ничто не напоминало о боли в висках и о присутствии Константина Андреевича. Денис медленно встал. Покачал головой из стороны в сторону. Не больно.

Сверху донёлся звук отпираемой двери – наверняка, крик переполошил соседей. Объясняться с ними Денис не собирался – времени у него осталось в обрез. Он стал запирает дверь

на ключ, когда внезапно вернулась боль. А с нею в голове возник отчётливый безжизненный голос: «Возьми письмо».

– Блин! – вырвалось у Дениса. Он же забыл дома конверт. На следующий день после посещения квартиры двадцать четыре он доставал письма, чтобы изучить их, а вот положить обратно в рюкзак не удосужился.

Боль моментально отступила.

Денис повернул ключ в обратную сторону и зашёл в квартиру. Пачка белых конвертов лежала на тумбочке. Он схватил письма и засунул их в рюкзак. Затем машинально повернулся к грязному зеркалу, висевшему на дверке старого коричневого шкафа. Так он делал всегда, когда возвращался домой, забыв что-нибудь.

То, что он увидел, ему не понравилось. Испуганные красные глаза, небритые щёки, торчащие во все стороны волосы – он походил на постоянного завсегдатая психиатрической лечебницы.

Денис провёл рукой по волосам в попытке придать им более приемлемый вид, а затем вышел из квартиры и спустился вниз.

Осознание пришло на улице. Его затрясло крупной дрожью, словно через него пустили небольшой заряд тока, выкручивающий мышцы, но не причиняющий боль.

Происходило что-то совершенно неправильное. Он пытался трезво проанализировать то, что сейчас случилось, но мысли вновь и вновь возвращались к лицу этого человека, к его пронизательным древним глазам.

Денис сел на скамейке возле подъезда. Двигаться дальше он не мог, ноги отказывались его держать.

«Этого не может быть. Такой хрени просто-напросто не существует. Не бывает».

Дениса знобило, словно на улице вместо тёплого, почти летнего, утра установился промозглый ноябрьский день.

Если это было всего лишь видение, то уж слишком реалистичное. Особенно боль. Её Денис помнил совершенно отчётливо, несмотря на то, что сейчас о ней ничто не напоминало.

«Это всё проклятые фильмы, – пришла спасительная мысль. – Точно! Нельзя столько смотреть ужасов. Так и сбрендить недолго».

Но он тут же вспомнил события трёхдневной давности: появляющиеся в пыли следы, странный дом с нелогичным расположением квартир, видео-компромат, снятый невидимым оператором, и сверху всего, как вишенка на торте, – Анкудинова Константина Андреевича, жуткого работодателя, любящего латинские фразочки и «добровольные» сделки.

«Если это всё фантазия, то я, видимо, лежу в «дурке» в смиренной рубашке и жду своей дозы», – подумал он.

Денис закрыл глаза и постарался дышать глубоко и медленно. Он пытался отогнать от себя панические мысли о том, что он попал в какой-то жуткий переплёт, и что теперь просто так из него не выбраться. Постепенно дрожь уменьшилась, а голова стала работать чётче.

Он достал из кармана мобильник и не поверил своим глазам. 9.25. С момента его пробуждения прошло каких-то одиннадцать минут. Денис встал и быстрым шагом двинулся в сторону подземки. Нужно было отработать свои деньги.

Стоя на платформе «Юго-Западной» Денис размышлял о том, что находится в конвертах, которые ему передал Анкудинов. Во вторник он разбирал письма, определяя, когда и куда ему нужно будет ехать. Все они оказались одинаковыми по толщине. По одному листу в каждом конверте. И на всех были указаны даты и время.

«Зачем он указывает время? Ведь человек может и не быть там, куда придёт курьер». Но Денис где-то внутри уже понял, что все адресаты будут на месте в указанное время.

Поезд подъехал. Денис шагнул внутрь вагона и протиснулся в угол напротив выхода. Час пик прошёл, но людей всё равно было много.

«Может быть, эти люди в курсе, что им в определённое время принесут письмо?» – рассуждал Денис.

Как бы то ни было, но дело явно пахло какой-то незаконной деятельностью, и он на секунду уверился в том, что не нужно было соглашаться на предложение Анкудинова.

«Поджёт машин – дело очень серьёзное, но не случилось бы так, что сейчас я делаю вещи похуже». И тут же пришла мысль, что Анкудинов не предлагал ему выбор, а имитировал наличие выбора. Судя по тому, что Денис видел полчаса назад, человеку с белыми волосами совершенно незачем было разыгрывать сценки.

Электронные часы над рельсами показывали 10.12, когда Денис оказался под полукруглым сводом «Тимирязевской». Всю дорогу ему казалось, что состав еле-еле ползёт и поминутно останавливается в полутёмных тоннелях подземки.

Денис рванул вверх по эскалатору, переступая через ступеньку. В голове всплыл разговор, состоявшийся два дня назад. «Ни минутой раньше, ни минутой позже», – так, кажется, сказал Константин Андреевич. И первый же рейс оказался под угрозой срыва!

Теперь он не мог думать ни о чём, кроме того, что ему нужно успеть вовремя. Он стремительно вышел из вестибюля на улицу, огляделся, определяя нужное направление, и двинулся быстрым шагом. Через десять минут он уже бежал.

Дом, который он искал, оказался девятиэтажной «свечкой». Облупившиеся белые стены напоминали лицо старой ведьмы, покрытое струпами и гнойниками. Грязные, в большинстве своём деревянные, окна подслеповато смотрели на мир покрытыми копотью стёклами. Двор являл собой несколько узких асфальтовых дорожек и грязные палисадники, где вместо кустиков и цветов разместились автомобили.

На домофоне Денис набрал номер квартиры, указанный на конверте. Прозвучал гудок. Второй. Третий. Ответа не последовало. В момент, когда Денис, внутренне содрогнувшись при мысли о невыполненном задании, понял, что ему никто не ответит, послышался шорох, и тихий женский голос с трудом проговорил:

– Я слушаю.

Денис выдохнул с облегчением.

– Здравствуйте! Я курьер, принёс вам письмо. Откройте, пожалуйста, дверь.

– Письмо? – Голос прозвучал потерянно, словно женщина совершенно не понимала, о чём идёт речь. Потом небольшая пауза, и медленно: – Конечно, проходите.

Раздался сигнал, и замок в двери звучно хрустнул, словно скорлупа грецкого ореха от удара молотком.

Дверь в квартиру, расположенную на третьем этаже, открыла маленькая женщина. Грязно-белый халат практически полностью скрывал хозяйку квартиры, превращая её в незаметную тень. Конечности отличались безволием: движения были медленными и вялыми, словно под водой. Полузакрытые глаза говорили о большом количестве принятых лекарств. Больничный смрад, пахнувший Денису в лицо, укрепил его в этом подозрении.

– Людмила Николаевна?

Пауза и затем тихо, как шелест листьев на ветру:

– Да, это я.

Денис протянул конверт:

– Это вам.

Ему казалось, что сейчас она, как это часто бывает в фильмах ужасов, перестанет притворяться человеком, сделает резкий выпад, схватит его и с диким нечеловеческим воплем вцепится зубами в горло.

Но, естественно, ничего подобного не произошло. Костлявая, похожая на сухие ветви, рука медленно потянулась за письмом. Денису показалось, что вот-вот силы кончатся, и рука повиснет, словно плеть, так и не достигнув своей цели, – настолько было безвольным это простое движение.

Как только женщина взялась за один край пакета, Денис тут же отпустил второй и отдернул руку. Его страшил даже сама мысль о том, что это скрюченное высохшее существо может коснуться его.

Женщина мутным взглядом осмотрела конверт и равнодушно произнесла себе под нос: – Странно, обратного адреса нет. Кто бы это мог быть?

Вместо ответа Денис пробормотал под нос «До свидания», мысленно пожелав себе, чтобы это свидание никогда не произошло, и двинулся вниз.

Слабый, еле слышный, голос заставил его остановиться на середине лестничного пролёта: – Молодой человек...

Он оглянулся. Женщина стояла в дверном проёме и смотрела на него. Взгляд слегка прояснился. Из глаз текли беззвучные слёзы. Денис подумал, что никогда ещё не видел в глазах человека такой безысходности без единого намёка на надежду. Эта женщина знала, что её ждёт, не была готова к этому, но понимала, что это неминуемо. У него защекотало в горле.

Женщина собралась с мыслями:

– Спасибо вам...

Денис еле расслышал слова. Спиной вперёд он медленно, шаг за шагом, спустился по лестнице.

Глаза женщины снова затуманились. Она так и стояла на месте, глядя сквозь Дениса.

Весь вечер Денис ходил взад-вперёд по квартире, стараясь сосредоточиться на чём-нибудь. Но на просмотр фильма терпения не хватало, и игра по сети определённо не шла. Он ждал звонка.

Он вспомнил, как в какой-то момент, сидя на переднем сиденье такси, он понял, что не хочет её отпускать. Выйдя из машины, он попросил её написать номер сотового телефона – сердце при этом почему-то билось, как сумасшедшее. Но Лана с хитрой улыбкой покачала головой, и сердце замерло. Но тут же вновь застучало с новой силой, когда Лана попросила его вместо этого написать свой номер. Она сказала, что позвонит в четверг. Или что скорее всего позвонит. Или может быть. Денис точно не помнил, но чем дольше он ходил сейчас по квартире, тем больше начинал думать, что она обещала, а не предположила. И, естественно, он всё сильнее расстраивался, хотя не хотел в этом признаться даже самому себе.

– Все бабы такие, – бормотал он, переходя из кухни в комнату. В руках он держал мобильник. – Покрутят хвостом и в кусты. А я, блин, должен тут ходить и ждать.

Через минуту он решительно положил сотовый на тумбочку под зеркалом, посмотрел на него секунду и перевернул его экраном вниз.

– Всё, хватит! Что ж мне теперь весь вечер звонка ждать?

И, словно в подтверждение своих слов, взял пульт и уселся в старое, с просевшими пружинами и местами рваной обивкой, кресло.

Вставить и менять диск в DVD-проигрывателе не хотелось, поэтому Денис включил телевизор с пульта и принялся переключать каналы. Единственным удобоваримым зрелищем оказался старый фильм со Стивеном Сигалом в главной роли – «В осаде». Сначала бесконечные убийства и давно известные глупые шутки главного героя отвлекали его, но уже через пятнадцать минут он встал и пошёл за телефоном.

– Твою мать! Ну разве так делают? – расстроено воскликнул он.

Вопрос остался без ответа. Ни «эсэмэсок», ни звонков.

После двух минут гипнотизирования телефона взглядом Денис в очередной раз набрался решимости и положил трубку на тумбочку. Рядом он заметил белые конверты, которые несколько дней назад ему передал человек с Остоженки.

«А человек ли?» – в который раз задался вопросом Денис.

Он взял письма и вернулся в кресло, затем нажатием на кнопку обеззвучил героя Сигала, который в это время сворачивал шею очередному врагу.

Денис сосредоточился на конвертах. Константин Андреевич отдал Денису четыре письма. Первое из них он утром передал той бедной женщине с затуманенными глазами, в которых не осталось ничего, кроме безысходности. При воспоминании о ней Денис вздрогнул. Осталось три письма. Одно необходимо было доставить по назначению третьего сентября, в субботу, и два – четвёртого, в воскресенье. А в понедельник нужно будет ехать на Остоженку за новым заданием.

Одна мысль о посещении квартиры номер двадцать четыре вызывала у Дениса озноб. Но ещё больше его пугала перспектива послушаться Анкудинова.

Иррациональный страх был незнаком Денису. Обычно всё укладывалось в рамки окружающей его реальности. Он боялся, что его может сбить машина, боялся теракта в метро, боялся «гопников» в тёмном переулке, но все эти страхи не выходили за пределы сознательного и не мешали спокойно спать по ночам. Каждый человек живёт и прекрасно себя чувствует среди многочисленных фобий. Но чувство, которое вызывал у него Константин Андреевич (мысленно Денис продолжал называть своего работодателя по имени-отчеству), не укладывался в рамки ужасов современного мира. Скорее оно походило на средневековую суеверную боязнь непознанного.

Неприятные размышления прервал телефонный звонок. Денис, с трудом сдерживая желание рвануть за трубкой, встал с кресла.

– Я ждал, милая, теперь ты подожди. Всё равно твой телефон определится.

Аппарат подмигивал подсветкой и, вибрируя, потихоньку съезжал к краю тумбочки. Денис схватил мобильник за мгновение до того, как последний упал.

– Внимательно!

В эту секунду он понял, что звонит вовсе не Лана, а Анкудинов. Денис сегодня сделал что-то не то, и Константин Андреевич собирался сообщить ему об этом и...наказать за слушание.

– Привет, незнакомец!

Это была Лана.

– Я...я... – Денис прокашлялся и, собравшись с мыслями, продолжил. – Ну, во-первых, я уже знакомец. Во-вторых, могла бы позвонить и пораньше. Мы ведь, кажется, договаривались.

– Извини, Денис. Мы после института с Ленкой пошли гулять, только сейчас вернулись.

– Чем же тебе эта самая Ленка помешала?

– Если бы она узнала, что я с кем-то встречаюсь, она бы начала задавать тысячу и один вопрос, а мне очень не хотелось её слушать. Прости.

– А мы встречаемся?

– Пока ещё нет, но ведь моей подруге этого не объяснишь.

Денис буквально увидел Лану – на губах озорная улыбка, глаза чуть прищурены, отчего по краям образуются морщинки. Ну как на неё можно было обижаться? Однако он ещё немного попытался строить из себя обиженного:

– А с тебя все как с гуся вода? Вот так просто, «прости» и баста?

– Конечно, я же девочка, мне можно.

– Вот так логика, – с улыбкой проговорил Денис.

Он сел в кресло.

– Если бы я тебя не видел, – продолжил он, – я бы подумал, что ты блондинка.

В трубке раздался смех.

– Кажется, твои шансы начинают стремительно падать.

– Всё, всё, всё, – скороговоркой проговорил Денис. – Молчу.

– Правильно, молчи, – забавно протянула Лана. – И не будь занудой. Я за это на первом свидании разрешу себя поцеловать.

Денис немного покраснел. Хорошо, что Лана этого не видела. Он постарался придать голосу оттенок искущённости, что, впрочем, получилось весьма посредственно.

– А разве поцелуй не предполагался изначально?

– Будешь занудствовать – и под ручку не позволю повести, – парировала Лана.

– М-да, если ты права, то ты права. Тогда больше не обижаюсь.

– Вот и чудненько! Какие идеи?

Денис взъерошил волосы и прикусил губу. В клуб приглашать девушку он не хотел, а в ресторан – тем более. Ни денег, ни подходящей одежды для второго варианта он не имел. Оставался только третий.

– Может, в кино? А потом в какую-нибудь кафешку заскочим.

– Ай как банально, – укоряющее произнёс голос в трубке, и тут же задорно продолжил, – но мне нравится.

Денис мысленно выдохнул.

– Ну так что, когда, во сколько и где? – спросил он.

– Когда? – задумчиво проговорила Лана. – Может, в субботу?

«Два дня ждать», – огорчённо подумал Денис, но решил не показывать этого:

– Отлично, давай в субботу. Где?

– Давай на «Вернадского» в центре зала часиков в девять. Тут поблизости есть и кино-театр, и кафе.

Денис снова встал с кресла и подошёл к тумбочке, где лежали письма от Анкудинова. Взял в руку верхний конверт: 03.09.2011 г., время – 20.54.

– Чёрт, я забыл, у меня же ещё дела в субботу! – он почувствовал, что это прозвучало, как отговорка, и, мысленно посчитав время, поспешил добавить. – Давай лучше часов в одиннадцать.

– М-м-м, ночной сеанс? Шалунишка! Хорошо.

– Вот и отлично. Сейчас только твой номер сохраню.

Они попрощались, и Лана отключилась.

Денис посмотрел на адрес, написанный на конверте. К одиннадцати он точно успевал отвезти письмо, переодеться и приехать к месту встречи. А если заранее переодеться, что было разумней, то времени у него оказывалось гораздо больше. Вернув с помощью пульта дар речи герою Стивена Сигала, Денис уселся в кресло. На его губах играла лёгкая улыбка, о которой он не подозревал.

7

Филимонов Андрей 1976 года рождения жил на первом этаже древней трёхэтажки, готовящейся под снос. Почти все его соседи по подъезду съехали, осталась только старушка на третьем этаже с противоположной стороны. Если Филимонов станет кричать, его никто не услышит. Кроме Виктора.

Филимонов отличался страстной любовью к футболу и пиву. Виктор не раз наблюдал в бинокль за тем, как друг убитого Кондратенко напивался в одиночестве, вскакивая при каждом голевом моменте и проливая на себя пиво, а после матча засыпал там же, на кресле. Поэтому Погодин с уверенностью мог сказать, в какой именно момент ему необходимо нагрязнеть – в начале второго тайма. К этому времени Филимонов будет уже достаточно пьян, чтобы неадекватно реагировать на опасность, но всё же не настолько, чтобы не понять, что его убивают.

Никто ни разу не составил этому пьянчуге компанию. В отличие от своего поделщика Кондратенко Филимонов предпочитал напиваться в одиночестве. Виктор иногда замечал, что чувствует жалость к Филимонову. Вся жизнь бывшего «зэка» крутилась в границах убогого мирка: работа на стройке, пиво и футбол. В свои тридцать восемь лет Филимонов не имел ничего. Пустое место. Такое же пустое, каким сейчас был Погодин. Чем-то они походили друг на друга. Но в отличие от Филимонова Виктор попал в эту западню не по собственной воле. Два ублюдка загнали его туда.

Чувство жалости довольно быстро проходило. Виктору стоило лишь вспомнить те жуткие похороны, после которых он лежал в пустой кровати и молился о том, чтобы самому не дожить до утра. Но на следующее утро он проснулся живым и... пустым. И виноваты были эти два ничтожных существа и Бог, который допустил всё это.

Виктор занял свою обычную позицию – в подъезде точно такого же ветхого жилого дома, расположенного в пятидесяти метрах от жилища Филимонова. Здесь тоже практически не осталось жителей, что вполне устраивало Погодина. В этом подъезде он провёл достаточно много времени, следя за Филимоновым, и ни разу мимо него никто не прошёл. С площадки между вторым и третьим этажами прекрасно просматривалась вся обстановка в квартире: облезлый и покосившийся деревянный платяной шкаф, кресло и телевизор на маленьком столике, линолеум вместо ковра на полу и лампочка вместо люстры на потолке. Бежевые занавески никогда не сдвигались, что облегчало Виктору наблюдение.

Обычно за час до начала матча Филимонов начинал готовиться к игре. Он шёл в магазинчик «Разливное пиво», брал четыре полторалитровых бутылки самой дешёвой бурды и множество маленьких пакетиков с жареным арахисом. Пару раз Виктор «случайно» оказывался в этом же магазинчике в момент подготовки Филимонова к матчу. Он отворачивался к стеклянной полке, делал вид, что внимательно изучает изобилие вяленой и сушёной рыбы, и добавлял крупницы знания о нищем мире убийцы своей жены. Изучал ублюдка.

После магазина Филимонов приходил домой, вытаскивал столик с телевизором из угла на середину комнаты, разворачивал кресло, ставил пустую пепельницу на пол справа, выставлял в ряд «полторашки» слева, рядом с бутылками – ведро под мусор, а на ручку кресла, под левую руку, клал один пакетик с арахисом. Затем усаживался, включал телевизор и сидел, дожидаясь начала игры. При этом ни до пива, ни до скудной закуски он не дотрагивался и не выкуривал ни единой сигареты. Этот ритуал оставался неизменным всё время, пока Виктор следил за Филимоновым.

В этот раз произошло иначе. Всё походило на насмешку боженьки, допустившего смерть его семьи. Неизменная церемония была нарушена именно в тот день, когда Виктор решил завершить её. До матча оставалось двадцать минут, однако Филимонов домой ещё не вернулся. И чем дольше Погодин наблюдал за дверью подъезда, тем сильнее в нём укоренялся страх,

что сегодня всё сорвётся. Сраный пьянчуга мог напиться где-то ещё, мог в это время грабить какую-нибудь беспомощную старуху, мог быть в «обезьяннике», мог сдохнуть в конце концов. У Всевышнего своё, особое, чувство юмора. Странное, как смерть на похоронах.

Когда до игры оставалось пятнадцать минут, возле подъезда появился худошавый молодой парень в серой рубашке и голубых джинсах: он поглядывал по сторонам, явно кого-то ожидая, время от времени нервно взъерошивая волосы рукой.

«Мудак какой-то, – раздражённо подумал Погодин. – Что ему нужно в этом подъезде? Здесь же никто не живёт».

Кроме Филимонова. Если этот слюнтяй окажется каким-нибудь дружком-собутыльником убийцы, то весь план Виктора шёл насмарку. Он в бессильной злобе сжал челюсти так, что заскрипели зубы.

– Уйди, говнюк, уйди, – в отчаянии проговорил он.

За десять минут до начала матча появился Филимонов. Держа в руках полный пакет, он шёл быстрым шагом к подъезду своего дома. Виктор, увидев его расстроенное лицо, моментально прочитал его мысли, словно они были знакомы долгие годы: «Матч сейчас начнётся, а у меня ещё ничего не готово и практически нет времени всё сделать как надо». Погодин понимал, что для этого червяка были важны эти лишние минуты и внутренне порадовался тому, что напоследок Филимонов лишится этого удовольствия.

«А я тебя огорчу ещё больше, сраный бездушный урод», – подумал Виктор. Только бы этот парень в джинсах исчез бы куда-нибудь. Но шансов на это было мало.

Он смотрел в бинокль, сжимая его до боли в пальцах, и видел, как парень, стоявший возле подъезда, сделал шаг навстречу любителю футбола. Всевышний явно сейчас плотоядно посмеивался. Но ничего другого не оставалось, кроме как ждать и смотреть.

Ситуация, в конце концов, разрешилась достаточно быстро: молодой человек что-то спросил у Филимонова и, получив от последнего нетерпеливый, нервный кивок головы в ответ, передал письмо. Убийца посмотрел на конверт с удивлением, обратился к парню, затем махнул в нетерпении рукой и забежал в подъезд. Через двадцать секунд в квартире зажёгся свет.

Виктор шумно выдохнул с облегчением. План не менялся.

Погодина отвлёк скрип двери, раздавшийся на третьем этаже. Мысленно отметив третье отступление от обычного хода событий, он положил бинокль на подоконник, и развернулся, стараясь прикрыть его спиной. Одновременно достал из-за уха сигарету одной рукой и зажег галку из кармана – другой.

Хмурый старичок, лет на десять старше Виктора, медленно прошаркал по лестничному маршу, ни разу не подняв взгляд на курильщика. Когда внизу хлопнула дверь подъезда, Виктор решил выйти на улицу. Ни к чему привлекать ненужное внимание. Кроме того, до второго тайма оставалось минимум пятьдесят минут. Он последний раз взглянул в бинокль: Филимонов усаживался в кресло, возле которого всё уже было подготовлено. Ритуал он совершил, хоть и в спешке. Виктор взял в руки старенький чёрный дипломат, стоявший на полу, и, положив на подоконник, открыл. Внутри одиноко лежал штык-нож без ножен. Виктор положил внутрь бинокль и захлопнул дипломат.

На улице солнце заходило за крыши домов, заливая красным огнём окна квартир. Летнее тепло с каждым днём уступало место сентябрьской прохладе, но ещё не сдавалось. Виктор, выйдя из подъезда, прищурился от яркого света. Сейчас его мысли были далеки от чудесного вечера. Он вынул изо рта тлеющую сигарету и выпустил дым. Затем двинулся вперёд походкой человека, идущего без определённой цели. Проходя мимо дома Филимонова, он искоса взглянул в окно первого этажа. Виднелась только лёгкая тень на бежевой занавеске. Погодин прошёл мимо в направлении автобусной остановки, скрывавшейся за домом. Он хорошо изучил всю окружающую инфраструктуру. Ему было всё равно, вычислит его милиция (он никак не мог начать называть милицию полицией) или нет, но он всё равно подошёл к вопросу ответ-

ственно. Не хотел, чтобы из-за какой-то промашки его план провалился. Постояв на остановке минуты три, он сел на первый подъехавший троллейбус. На следующей остановке Виктор покинул салон и сел на скамейку. Затем аккуратно положил дипломат на скамейку рядом с собой. Сигарета отработанным движением переключалась из пачки в рот, мелькнул огонёк зажигалки, и потекло ожидание.

Виктор позвонил. Затем ещё раз. А через минуту нажал на звонок в третий раз. Филимонов не отвечал.

– Неужели спит? – пробормотал Погодин себе под нос.

Четвёртый звонок, и снова тишина.

Виктор тихо выругался и закашлял. Такого поворота событий он не предусмотрел. Этот ублюдок просто-напросто заснул, не досмотрев матча. Такого с Филимоновым никогда ещё не случилось, по крайней мере, в те дни, когда Погодин следил за ним. Опять Бог-убийца шутит свои невесёлые шутки?

Оставался всего один шанс на удачное окончание дела. Виктор, держа штык-нож в правой руке, взялся за ручку серой металлической двери и слегка потянул на себя. Дверь оказалось незапертой. Погодин сначала выдохнул с облегчением – ещё можно было закончить запланированное, но тут же замер, затаив дыхание.

«Что-то тут не так», – мелькнуло в голове. Раз всё шло наперекосяк, то и здесь должен быть какой-то подвох. Он достал нож и прислушался. В квартире раздавался голос комментатора и отдалённый гул толпы.

«Это ловушка, это ловушка, мать божья, этот гад стоит за дверью и ждёт. Он раскусил меня».

Может быть, Филимонов заметил его в пивной. В конце концов, на суде у этого ублюдка было достаточно времени, чтобы запомнить его лицо. А теперь решил поиграть со старым дураком в кошки-мышки.

Когда раздался крик комментатора «Гол!», Виктор встряхнулся. Он стоял в подъезде с ножом в руке и не мог решиться ни на один из возможных вариантов: он боялся зайти, но и не мог покинуть дом, не выполнив своей чёрной работы. Однако времени на сомнения не оставалось. В конце концов, решившись, он потянул дверь на себя, одновременно выкинув руку с ножом вперёд.

Лезвие вспороло пустоту. Виктор подался вперёд, потом с трудом поймал равновесие и остановился. В коридоре никого не было. Простейшее, казалось бы, действие, а сердце стучало, как бешеное, и тряслись руки.

Он стоял, пытаясь прийти в себя. Двигаться вперёд сил не было. Виктор подумал, что если бы Филимонов сейчас проснулся и вышел в коридор, то он бы увидел полупарализованного старикана, не способного даже поднять нож. И когда Погодин уже подумал, что не сможет сойти с этого места, сердце сжалось над ним и стало успокаиваться. Через несколько долгих секунд он смог связно мыслить и двигаться. Из комнаты, расположенной справа от входной двери, телевизор вещал голосом комментатора о только что забитом голе. Больше ничего. Виктор медленно, шаг за шагом, начал красться к дверному проёму. Слева, под вешалкой, он обнаружил пластмассовый лоток, наполненный газетами. Сверху лежал неаккуратно разорванный белый конверт с красной надписью на латинице, из которого торчал край листа. Слабое зрение не позволило разглядеть отправителя, поэтому Виктор выкинул из головы письмо и сосредоточился на комнате, где...

Оглушающий лязг за спиной заставил его вскрикнуть. Резко обернувшись, он потерял равновесие и упал на спину. Тело пронзила резкая боль.

«Вот и всё», – мысль не испугала, но принесла облегчение. И только одно терзало Виктора: он не успел отомстить за свою жену. Не хватило сил.

Виктор, распластавшись по узкому коридору, лежал и ждал, когда раздастся голос Филимонова:

– Что ты здесь делаешь, старая рухлядь?

А потом:

– А я тебя помню, старик. Ты муж той кошёлки, что мы завалили. Из-за неё я отсидел восемь лет. Но теперь я хотя бы знаю, кто мне ответит за это.

Но сцена, родившаяся в голове Виктора, как ни странно, не разыгралась наяву: Филимонов так и не появился перед Погодиным.

Виктор открыл глаза, с трудом приподнял голову и посмотрел на входную дверь. Закрыта. Судя по всему, сквозняк, гулявший по подъезду, захлопнул её. Виктор, не поднимаясь, повернул голову влево и посмотрел в гостиную, напротив которой он лежал. Филимонов спал в кресле – его голова склонилась набок.

Виктор с тихим стоном поднялся. В груди колело. Он надеялся, что это не сердечный приступ. Конечно, умереть здесь, рядом со спящим и беспомощным убийцей его Катюши, было бы достойной шуткой для Бога.

«Дай мне дожить до того момента, как я убью этого выродка. Дай мне дожить. Я немного прошу».

Держась за дверные косяки, Виктор медленно вошёл в гостиную. Он молча приблизился к спящему пьянице, сжимая в правой руке нож. Возле кресла лежали две пустые полулитровые бутылки из-под пива вперемежку с пакетиками с надписью «Арахис». Ещё две бутылки: одна полупустая, другая ещё не открытая, стояли рядом. Справа от кресла разместились пепельница, наполненная жёлто-оранжевыми окурками. Рука спящего свесилась прямо над кучкой «бычков».

Итак, ритуал Филимоновым был соблюден. С опозданием или нет, но весь реквизит этого грустного фарса оказался на сцене.

Виктор ударил ногой Филимонова по лодыжке.

– Вставай, дружок, а то всё проспишь.

Голос прозвучал достаточно твёрдо, и это взбудило Погодина.

– Давай, сукин ты сын, просыпайся.

Филимонов не шевельнулся. Виктор пнул его ещё раз со всей силы мыском ботинка. Правая нога безвольно ударилась о левую. И вновь никакой реакции.

– Мать божья!

Виктор всё понял. Естественно, все знаменья сегодняшнего дня не были совпадением. Сначала опоздание Филимонова, затем этот парень с конвертом, старик в подъезде, взявшийся неизвестно откуда. Всё это были звенья одной цепочки. Всё это было частью очередной господней шутки.

На всякий случай Погодин пощупал сонную артерию. Никаких сомнений в том, что второй убийца его жены мёртв, не оставалось.

Виктор замер, и несколько минут в комнате не происходило никакого движения, если не считать мелькания на экране. В его голове установилась странная пустота. Внезапно жизнь потеряла всякий, даже иллюзорный, смысл. Оба ублюдка были мертвы: один покоился на дне озера в Воронцовском парке, второй, бездыханный, сидел у себя в кресле. Дмитрия Кондратенко на тот свет проводил нож Погодина, Филимонов же, трусливая падаль, успел помереть до прихода Виктора. Умерли две бессмысленные по своей природе твари, о которых никто не вспомнит и никто не пожалеет. Виктор задумался, а кто придёт на его похороны? За те годы, которые прошли с момента смерти Катюши и Славы, он растерял всех тех, с кем общался, когда его семья была полной. Он не хотел это делать, но он просто не мог и не желал никого видеть. Он хотел упиваться своим горем в одиночестве. Катя была соединительным звеном между ним и другими, и, лишившись этого звена, Виктор просто исключил всех из своей жизни: друзей

жены, друзей сына, своих немногочисленных знакомых. Сначала к нему приходили, сочувствовали, помогали. Потом это стало происходить реже. Затем сменилось несколькими вежливыми звонками в год. И, наконец, вовсе прекратилось. Он добился того, чего хотел – остался со своим горем вдвоём.

И теперь Виктору осталось только пойти домой и дожидаться, когда смерть заберёт и его. К жене. К сыну. Домой.

Стоя над трупом Филимонова Виктор вдруг подумал, что его старинный друг Сергеев Лёша (точнее Сергеев Алексей Петрович – какой к чёрту Лёша в семьдесят пять-то лет) наверняка пришёл бы на похороны к нему. Но стоял бы там в полном одиночестве.

Виктор горько усмехнулся своим мыслям. Медленно передвигая ноги, он двинулся по направлению к выходу. У него не проходило ощущение, что силы вот-вот окончательно его покинут, и он упадёт здесь, в этой вонючей квартире, и уже никуда не пойдёт. В коридоре ему вновь бросился в глаза конверт, который Филимонову передал парнишка в серой рубашке. Виктор взял белый бумажный пакет в руки. Выяснить, кто отправитель, не представлялось возможным, так как сами графы «Откуда» и «От кого» отсутствовали. Адресатом значился Филимонов Андрей Андреевич. Ниже, под адресом доставки, стояло сегодняшнее число – 03.09.2011 г. Ещё ниже располагались цифры: 20.54. Виктор несколько секунд беспомощно смотрел на два числа, разделённых точкой, прежде чем сообразил, что на конверте под датой указывалось время. Но что означало это время? Он пытался собраться с мыслями, но это у него плохо получалось. Он посмотрел на свои часы и попытался представить себе стрелки на без шести минут девять. Выходя из подъезда, Виктор проверил время: стрелки показывали восемь пятьдесят семь. А за три минуты до этого тщедушный наркоман передавал конверт Филимонову. Получалось, что отправитель знал конкретное время встречи курьера с получателем.

Эта мысль удивила его, но размышлять дальше сейчас было невозможно. Хотелось скорее уйти отсюда и, хоть его лёгкие и выдадут очередную порцию резкого удушающего кашля, закурить. Но только после того, как Виктор посмотрит, что находится в конверте.

Он достал вложенный в конверт лист. Последний оказался качественной толстой бумагой благородного жёлтого оттенка. В середине почти пустого листа располагалась короткая запись латиницей: «Agiu an termen me teuu da varn».

Сердце при виде надписи пустилось галопом. По спине пробежали мурашки. От этой короткой строчки исходил холод. Такой однажды уже пробрал старика – в день, когда он увидел рядом два мёртвых тела: своей жены и своего сына.

Жуткое чувство появилось и тут же пропало – словно его и не было.

«Абракадабра какая-то», – подумал Виктор.

Однако выбрасывать непонятное послание он не стал. Вернул лист обратно в конверт и положил странную корреспонденцию в задний карман брюк. У него будет достаточно времени, чтобы изучить последнее послание, полученное убийцей его супруги.

Приоткрыв входную дверь, он прислушался. В подъезде стояла тишина, хотя с бормотанием комментатора в комнате нельзя было сказать наверняка.

«Да что мне терять-то? – задался он вопросом, и тут же сам себе ответил, – Нечего».

Он открыл дверь, отведя руку со штык-ножом за спину. В подъезде было пусто. Возле двери стоял забытый им дипломат.

– Лучше и не придумаешь, – саркастично усмехнулся он. – Марзаматик.

Засунув нож в дипломат, Виктор вышел из подъезда и двинулся к углу дома, когда услышал за спиной громкий стрёкот. Обернувшись, он увидел, как с «kozyрька» над входной дверью взлетела сорока. Взмахнув белыми кончиками чёрных крыльев, птица стремительно стала набирать высоту, пока не превратилась в еле заметную точку на небосводе.

Пройдя два квартала, Виктор Погодин замедлил шаг и достал из мятой пачки сигарету. Кашель не заставил себя долго ждать, и через несколько секунд фильтр из бледно-оранжевого превратился в грязно-бордовый.

8

Окурок попал точно в урну. На фильтре остался бледно-красный след от помады. Лана сквозь дым лукаво поглядела на Дениса и произнесла:

– Больше никогда не позволю тебе выбирать фильм.

Они стояли на улице возле огромных двухстворчатых дверей. Ночной ветерок ещё казался тёплым, но уже явно намекал на приближающуюся осеннюю прохладу. Луна совершенно не походила на ту, которая обязаны быть во время свиданий: вместо яркого белого пятна на небе стыдливо висела еле видная клякса.

Возле них перекидывалась фразами и смешками небольшая группа молодых людей, а чуть поодаль, на скамеечке, сидела пара в возрасте: он курил, она копалась в сумочке. Немного больше было и в кинозале. Судя по всему, ночные сеансы не пользовались популярностью. А быть может (и Лана склонялась к этому варианту), в отсутствии людей был виноват сам фильм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.